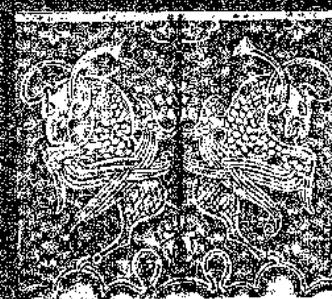

Ак
578₍₆₎

ПЕРВЫЙ КОСМОДРАМЕ
И КОСМОГИИ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS

INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES
D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД

EDITIONS DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1941 • LENINGRAD

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 6

230

MATÉRIAUX ET RECHERCHES D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS · № 6

ЭТНОГЕНЕЗ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Том I

L'ETHNOGÉNÈSE DES SLAVES ORIENTAUX

Tome I

Под редакцией
М. И. АРТАМОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД

ÉDITIONS DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU · 1941 · LENINGRAD

Я. В. СТАНКЕВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В IX—X СТ.

I

Древнейшая история Ростово-Суздальской земли — одного из важнейших центров русского Средневековья — имеет огромное значение при разрешении вопросов этногенеза русского народа. Судя по «Повести временных лет», населением этого края до IX—X ст. являлись мерянские племена, родственные, повидимому, восточно-финским племенам Поволжья. Спустя одно-два столетия древняя Ростово-Суздальская земля предстает перед читателем летописи как область русская или славянская, со славянскими городами и якобы сплошным славянским населением. О древней мери летопись упоминает последний раз под 907 г. Какова дальнейшая ее судьба, каким образом и откуда появилось здесь славянское население — на эти вопросы летопись не дает никакого определенного ответа. И лишь загадочные «мерские станы», упоминаемые в документах XVII—XVIII ст., и некоторые другие менее определенные следы мерянского населения говорят о том, что оно, повидимому, не исчезло бесследно к XI ст., а сохранялось еще в течение долгого времени (может быть в течение нескольких столетий, постепенно войдя в состав русского народа). Интересно, что в «Житии Леонтия» епископа Ростовского (70-е годы XI в.) особо подчеркивается, что Леонтий «русский же и мерський язык добре умеяше».¹ Очевидно «мерьский» язык в XI ст. имел еще широкое распространение в Ростово-Суздальской земле.

Этнический состав населения Ростово-Суздальской земли, судьба древней мери, пути и время славянской колонизации — все эти вопросы уже давно привлекали к себе внимание исследователей. Ими интересовались Д. Европеус, В. Самарянов, Д. Корсаков, Е. В. Барсов, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Ю. В. Готье и многие другие. Из археологов эти вопросы пытались разрешить А. С. Уваров, И. А. Тихомиров, А. А. Спицын и Т. Й. Арге,

причем их исследования нередко выгодно отличались от трудов историков и филологов большей конкретностью и определенностью.

Не ставя перед собой задачи изложить все имеющиеся в литературе мнения об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—XI ст., остановимся лишь на некоторых из них, наиболее популярных в настоящее время.

Появление сплошного славяно-русского населения в области древней мерянской земли рассматривается обычно как результат славянской колонизации. Современные северо-великорусские говоры Ярославского Поволжья, далеко не вполне однородные в различных районах, по мнению лингвистов, свидетельствуют о колонизации этого края северными славянскими племенами, обитавшими в Смоленской и Новгородской земле. Этому выводу не противоречат многочисленные сообщения русской летописи и других письменных данных, рисующие тесные связи Ростово-Суздальской области XI—XII ст. с землей Смоленской и Новгородской. Наконец, о тех же путях колонизации как будто бы говорят и археологические памятники — курганные могильники XI—XII ст., что было убедительно показано еще А. А. Спицыным в его работе «Владимирские курганы».¹

Вопрос об этническом составе Ярославского Поволжья, точнее вопрос генезиса в этом крае славяно-русского населения, сказанным далеко не исчерпался. Колонизационное движение XI—XII ст., связанное с ростом политической и экономической значимости Залесских земель в системе Древней Руси представляло собой явление уже вторичного порядка. Требуется установить, что представляло собой более древнее население этого края, когда и в связи с чем началось первое славянское движение и каков был его характер? Попытка разрешить эти сложные вопросы вызвала значительные разногласия в среде исследователей, далеко не изжившие и до настоящего времени.

Если исключить стоящее одиноко мнение А. И. Соболевского, полагавшего, что Верхнее Поволжье было заселено первоначально вяти-

¹ Житие Леонтия. Чтения Общества истории и древностей российских, 1893, кн. IV, стр. II. Этот факт указан мне Н. Н. Ворониным, за что и приношу ему благодарность.

¹ Известия Археологической комиссии (ИАК), вып. 15, 1905.

чами, а лишь затем новгородцами,¹ соображения Н. И. Костомарова, в работах которого летописная меря рассматривалась как явление географическое, а не этническое,² мнение Д. Щеглова, полагавшего, что меря это русь,³ или, наконец, мнение Д. Ходаковского, который считал мерю и весь славянскими племенами,⁴ то нам придется иметь дело с двумя основными взглядами, связанными с двумя концепциями начал русской истории — норманской и антинорманской. Основным материалом для решения указанных вопросов являлись археологические данные — материалы курганных могильников IX—X ст.

Большое значение норманскому элементу в ростовских и переславских курганах придавал еще А. С. Уваров, выделявший ряд погребений IX—X ст. в качестве варяжских.⁵ Как известно, основную массу курганов А. С. Уваров считал мерянской, допуская при этом «быстрое обрушение мерян... начавшееся почти в доисторические для нас времена».

Многие исследователи связывали славянскую колонизацию Ярославского Поволжья с существованием здесь в IX—X ст. скандинавской колонии. В наиболее развернутом виде эти взгляды даны в работах шведского археолога Т. Ј. Arne, полагавшего, что Волжский торговый путь был открыт шведами, за которыми потянулись в Поволжье и славяне.⁶ Соглашаясь с мнением А. А. Спицына о колонизации Поволжья смоленскими кривичами, он использует его точку зрения для обоснования своей теории, изложенной в работе «La Suède et l'Orient». «Я рассматриваю, — пишет Arne, — последнее мнение А. А. Спицына как наиболее вероятное, но поскольку в Смоленской губ. было оседлое шведское население, я предполагаю, что наличие шведских предметов во Владимирской губ. (и прилегающих районах) является результатом не только торговли, но и переселения сюда шведских колонистов из Смоленска».⁷ На основе материалов Михайловского могильника, расположенного около Ярославля, он приходит к выводу, что близ территории последнего «...существовала шведская колония, мирно жившая рядом с местным населением, среди которого шведы являлись высшим господствующим слоем и с которым они постепенно слились».⁸

¹ А. И. Соболевский. Откуда шла русская колонизация в Ростово-Сузdalскую область. Тр. Ярославского обл. ист.-археол. съезда, т. I, стр. 101 и сл.

² Историческая монография, I, стр. 369.

³ Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, 1876 г., май, стр. 53 и сл.

⁴ Русский исторический сборник, т. I, стр. 23; т. VII, стр. 88—89.

⁵ А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археол. съезда, т. II, 1869 г., стр. 646, 649.

⁶ Т. Ј. Arne. La Suède et l'Orient. Récapitulation. Upsala, 1914, стр. 222.

⁷ Ibid., стр. 37.

⁸ T. Ј. Arne. Ett svenska gravgjälv i guvernementet Jaroslav Ryssland. Fornvännen, 1918, стр. 47.

Финский археолог Е. Kivikoski в своей работе «*Studien zu Birka's Handel im östlichen Ostseegebiet*», давая карту распространения «варяжских гарнизонов» в России, указывает их и в районе древней мерянской земли. Первоначальной задачей этих гарнизонов, по ее мнению, была охрана торговых путей и посредничество в торговле варягов.¹ В старой русской археологической литературе подобные взгляды высказывали И. А. Тихомиров и О. Э. Беренде.

И. А. Тихомиров, рассматривая вопрос о народности, оставившей ярославские курганные могильники, считал наиболее древние курганы норманскими. В качестве основания для этих выводов он приводит якобы «норманский» обряд погребения и шведские украшения, принесенные «скандинавами для скандинавов». По мнению И. А. Тихомирова, Ярославская область была прочно заселена славянами лишь к концу X или середине XI в., в то же время начало расселения славян среди мери он относит к IV в. н. э. на основании указаний Иордана (!) — предположение явно фантастическое, не имеющее никаких оснований.²

Если не считать ничем не обоснованного мнения И. А. Тихомирова о «норманском обряде погребения» ярославских курганов IX—X ст., то единственным основанием с точки зрения норманистов являлись скандинавские вещи, далеко нередко встречающиеся в этих курганах. Однако в работах Т. Ј. Arne и других археологов эти вещи берутся изолированно, вне связи со всем комплексом находок. Этот факт правильно подчеркивал в свое время В. И. Равдоникас.³ Не случайно, например, Т. Ј. Arne обходит молчанием вопрос о встречающихся в ярославских курганах магических изображениях медвежьих лап и т. д.

Представителем другой точки зрения является А. А. Спицын. В более ранней своей работе он отмечает, что для Муромо-Ростовской области характерно смешанное русское население, так как в разное время сюда открывался доступ различным племенам: новгородцам, кривичам, вятичам и т. п.⁴ В более поздней работе он придерживался мнения, что «в X в. Ростовская область была заселена значительными массами смоленских кривичей, занимавших не только Ростов, но также Ярославль, Суздаль, Юрьев и Переяславль, причем колонизация Ростовского края русскими началась в IX в., по-видимому, из земли смоленских кривичей».⁵ Мерянский элемент в ярославских курганах, по мнению А. А. Спицына, является очень не-

¹ Acta Archaeologica, vol. VIII, fasc. 3, стр. 230.

² И. А. Тихомиров. Кто насыпал Ярославские курганы. Тр. II Обл. археол. съезда, 1903, стр. 244 и сл.

³ W. Y. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 128.

⁴ А. А. Спицын. Расселение ловене-русских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, VIII, стр. 335.

⁵ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК. вып. 15, стр. 163 и сл.

значительным. Он полагал, что древняя меря отступила перед натиском славянской колонизации на восток, а не обруслася, как думал А. С. Уваров. Скандинавские вещи в славянских курганах А. А. Спицын считал следствием разросшихся в X ст. торговых отношений, точно так же, как вещи восточные, происходящие из степной полосы Европейской части СССР. Позднее подобные же взгляды относительно скандинавских вещей высказывали В. И. Равдоникас,¹ А. В. Арциховский² и др.

В своих выводах относительно этнической принадлежности ярославских курганов IX—X ст. все перечисленные выше исследователи и многие другие, здесь не упомянутые, должны были основываться почти исключительно на материалах из раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, огромных по объему, но собранных совершенно неудовлетворительно, так что «из 7000 ни одно погребение не может быть восстановлено в своем содержании и стать предметом обсуждения с этнической стороны».³ Такое качество материала вполне допускало самые различные его толкования. Поставленные выше вопросы оставались, таким образом, далеко не разрешенными.

II

После раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева «Сузdalская область была столь основательно очищена от курганов, что А. И. Кельсиев в 1878 г. тщетно искал в Ростовском у. нетронутых насыпей».⁴ Полностью были раскопаны курганы в пределах Переславского района, где только за последние годы был около с. Киучер найден один ускользнувший от уваровских раскопок курганный могильник.⁵ Менее пострадали от раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева курганы Ивановской области — окраины древней мерянской земли. Всё не пострадали курганы Ярославского Поволжья, очень близкие по своему характеру и находкам ростовским и переславским. Они являются поэтому одним из важнейших источников изучения мерянской земли IX—X ст.

Во второй половине прошлого столетия начинает исследоваться огромный курганный могильник, расположенный в 7 км к ЮЗ от Ярославля у д. Большое Тимерево. Первое упоминание об этом памятнике относится еще к 1868 г.⁶ И. А. Тихомиров указывает, что Тимеревский могильник раскапывался до пяти

¹ W. Y. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. 1930, S. 139.

² А. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. Историк-марксист, 1939, № 1, стр. 193.

³ А. С. Спицын. Владимирские курганы, стр. 166.

⁴ А. А. Спицын, ук. соч., стр. 88.

⁵ Раскопки произведены К. И. Ивановым. Материал хранится в Переславском музее Ярославской области.

⁶ Труды Ярославского губернского статистического комитета 1868 г., вып. V, стр. 93.

раз, однако далеко не о всех раскопках имеются какие-либо сведения.

В архивных материалах отмечается, что могильник два-три раза подвергался раскопкам под руководством А. В. Скульского. В 1878 г. А. И. Кельсиевым, по поручению комитета Антропологической выставки, были произведены раскопки ряда курганных могильников в Ярославской и Калининской областях, в числе которых был и Тимеревский могильник. Здесь было вскрыто 34 кургана, в 10 из них были встречены сожжения, в 9 трупоположение, остальные раскопанные насыпи оказались якобы пустыми. За исключением суммарного отчета А. И. Кельсиева¹ никаких данных об этих раскопках не имеется. А. И. Кельсиев датировал Тимеревский могильник концом X и XI вв., не выделяя его из ряда более поздних исследованных им памятников.

В 1887 г. на могильнике производят раскопки члены VII Археологического съезда в Ярославле, однако результаты этих раскопок нигде подробно не описаны, а материал в значительной части утрачен.²

В 1900 г. на Тимеревском могильнике производил раскопки И. А. Тихомиров, им было вскрыто траншеями 14 насыпей, преимущественно с северо-западного края могильника.³ В курганах были представлены сожжения и одно трупоположение. И. А. Тихомиров в своем отчете отмечает, что несмотря на присутствие в отдельных сожжениях скандинавских фибул и тому подобных предметов, курганы отличаются бедностью инвентаря.⁴

Кроме того, И. А. Тихомиров обследовал две другие курганные группы: 1) у д. Малое Тимерево, к ЮВ от нее в ореховой рощице, состоящую из 7 курганов, и 2) близ д. Гончарово из 12 курганов.

В 1908 г. И. С. Абрамов производит беглые раскопки в ряде мест Ярославской и Ивановской обл., в том числе на указанных памятниках.⁵ На Тимеревском могильнике им были вскрыты две насыпи, содержащие сожжения. Две насыпи курганной группы у д. Гончарово дали также признаки сожжений. Впервые был исследован курганный могильник у д. Петровское, расположенный в 5 км от д. Тимерево, где вскрыто 9 насыпей.

В 1938—1939 гг. автором настоящей работы, по поручению Института истории материаль-

¹ Антропологическая выставка, т. III, ч. 1, стр. 53—68. Материалы хранятся в Гос. Историческом музее.

² Часть материалов, хранящихся в Ярославском краеведческом музее — скорлупообразные фибулы, топорик, ножницы, оковки и пр. — видимо происходит из сожжений X в.

³ Дело Археологической комиссии № 82/1900 г., раскопки И. А. Тихомирова в Ярославской губ. Материалы хранятся в Гос. Историческом музее и Ярославском обл. краеведческом музее.

⁴ Указанное дело Археологической комиссии и архив Гос. Исторического музея, фонд 39, ед. хр. 42.

⁵ Дело Археологической комиссии № 71/1908 г. Отчет о раскопках И. С. Абрамова.

ной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР и Ярославского областного краеведческого музея, были начаты на Тимеревском могильнике значительные раскопки. В первый год работы в порядке рекогносцировочных раскопок было вскрыто 4 кургана. В 1939 г. раскопано 22 насыпи, содержащие преимущественно сожжения. Раскопки дали богатый материал и в результате полного вскрытия насыпей позволили хорошо восстановить обряд погребения.

Другим широко известным древним могильником Ярославского Поволжья является Михайловский курганный могильник, расположенный в 7 км от Ярославля вверх по р. Волге и в 4 км вглубь от ее левого берега.

Исследования его были начаты И. А. Тихомировым в 1896 г. раскопкой 4 насыпей в северо-восточной древнейшей части могильника; из них три содержали интересные сожжения и одна трупоположение.¹ И. А. Тихомиров отмечал, что многие курганы в юго-восточном крае могильника носят следы неумелых раскопок, видимо произведенных в середине прошлого столетия помещиком Н. И. Текштремом.

В следующие годы И. А. Тихомиров продолжал раскопки: в 1897 г. им было вскрыто 20 насыпей в различных частях могильника и в 1898 г. 50 насыпей, расположенных по двум перпендикулярным осям, ориентированным с С на Ю и с З на В. В последних раскопках принимали участие В. А. Городцов и О. Н. Бэррендс. Раскопки производились сквозными траншеями, и лишь два крупных кургана были взяты на снос.² Курганы содержали преимущественно сожжения IX—X ст.; реже обнаруживались более поздние трупоположения на материке с бедным инвентарем.³

В эти же годы, с 1896 по 1898 г., И. А. Тихомиров исследовал более позднее курганное кладбище, расположенное в 2,5 км к Ю от с. Михайловского за линией железной дороги. Могильник относился к XI в. и содержал трупоположения на материке, иногда со следами костра (?) с однородным и бедным инвентарем.

В 1902 г. небольшие раскопки на Михайловском могильнике производил В. А. Городцов.⁴ Из четырех вскрытых насыпей две имели весьма богатое содержание.⁵

¹ Отчет о раскопках в Ярославской губ. и уезде под с-дом Михайловским И. А. Тихомирова (из неофициальной части «Губернских ведомостей» 1898 г., оттиск).

² Дело Археологической комиссии № 52/1897 г. и № 187/1898 г. Отчет о раскопках И. А. Тихомирова на Михайловском могильнике.

³ Материал, частично разрозненный, хранится в Гос. Историческом музее.

⁴ Древности, т. XXI, вып. 1, Протоколы, стр. 52. Материал хранится в Ярославском обл. краеведческом музее, содержит большую группу мерянских шумящих подвесок.

⁵ Относительно раскопок 1902 г. имеются несколько противоречивые данные. В «Историческом вестнике» (№ 3, 1903, стр. 1207) указано, что в 1902 г. В. А. Городцовым было раскопано на Михайловском могильнике

О любительских раскопках 1909—1910 гг. не сохранилось никаких точных данных.¹

В 1913 г. с разрешения Археологической комиссии на Михайловском могильнике производит раскопки шведский археолог Т. Ј. Arne. Им было вскрыто 18 насыпей, из них 9 содержали погребения и 5 сожжения с интересным инвентарем. Остальные оказались пустыми или содержали слабые признаки сожжений.²

В 1921 г. небольшие раскопки Михайловского могильника производят Д. Н. Эдинг со студентами Ярославского Гос. университета. Им было раскопано 4 насыпи; 3 содержали остатки сожжения и одна, видимо, следы трупоположения в материке.³

Существенным недостатком исследований прошлых лет являлся несистематичный и случайный характер производившихся здесь раскопок. В связи со старой методикой раскопок курганов оставался очень плохо выясненным характер обряда погребения. С целью пополнения этого пробела в 1938—1939 гг. было предпринято доследование наиболее сохранившейся части Михайловского могильника. В 1938 г. автором этих строк было вскрыто 19 насыпей и в следующий год 6 насыпей; курганы содержали как сожжения, так и трупоположения.

Одним из важнейших археологических открытий последних лет, впервые приоткрывавшим завесу над летописной мерей, являются рядовые могильники VI—VIII ст., найденные в разных частях мерянской земли. Рядовые могильники без курганных насыпей, содержащие захоронения с богатым и характерным инвентарем, уже давно известны в других областях Поволжья и не раз служили предметом исследования. Еще работами Aspelin'a, А. А. Спицына, А. М. Talgren'a и многих других, а за последние годы работами П. П. Ефименко⁴ было установлено, что эти могильники оставлены непосредственными предками современных народов Поволжья — мордовскими, муромскими и марийскими племенами, культура которых в I тысячелетии н. э. значительно отличалась от культуры славянских племен, также хорошо известных по археологическим данным. Найденные в области мерянской земли рядовые могильники окончательно решают вопрос о принадлежности древней мери к группе поволжских племен и обрисовывают ее древнюю культуру. Без этих могильников никогда не был бы окончательно разрешен вопрос и о появле-

нии кургана. В Ярославском обл. музее часть вещей из раскопок 1902 г. значится в качестве находок 1903 г.

¹ В Ярославском обл. краеведческом музее имеется небольшой материал, значащийся происходящим из раскопок Кадетского корпуса.

² T. J. Agne. Ett svenskt gravgjält i guvernementet Jaroslav Ryssland. Fornvännen, 1918.

³ Архив ИИМК, дело № 31/1879 г. Материалы из раскопок хранятся в Ярославском музее.

⁴ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, 1926.—Он же. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., II, 1937.

ни в области древней мерянской земли славянского населения и вопрос о дальнейших судьбах мерянского племени.

Первый мерянский могильник был открыт еще в конце прошлого столетия в бассейне р. Клязьмы у с. Холуй.¹ Несмотря на своеобразный характер инвентаря, отличающий его от синхроничных окских могильников, Холуйский могильник трудно было признать мерянским, так как он находился на окраине мерянской земли, на ее южных границах. В 1926 г. были произведены раскопки семи погребений другого могильника бассейна Клязьмы, находящегося у с. Хотимль в районе Шуи.² Еще позже был открыт и частично исследован Д. К. Крайновым и Д. Н. Эдингом богатый мерянский могильник, расположенный в самом центре мерянской земли, около оз. Неро, рядом с известным Сарским городищем.³

III

Курганные могильники Ярославского Поволжья обычно располагаются на возвышенных плато, на некотором расстоянии от реки, на ее коренной террасе, или по водоразделам, на склонах долин небольших речных притоков.

В таких условиях расположены и описываемые ниже памятники — Михайловский и Тимеревский могильники.

Михайловский могильник занимает часть возвышенного плато, представляющего собой коренную террасу Волги. Площадь могильника, равная 2.5 га, является в плане неправильным прямоугольником, вытянутым с С на Ю.

С северо-западной стороны территории Михайловского могильника ограничена Сухим Ручьем, с юго-западной и северо-восточной сторон проходят полевые дороги из с. Михайловского в д. Пономарево, а с северо-восточной стороны расположены хозяйственные постройки совхоза Михайловское. В недавнем прошлом могильник был покрыт березовой рощей, ныне вырубленной. В настоящее время западная и северо-западная части могильника покрыты кустарником.

Сейчас на могильнике насчитывается до 400 отдельных насыпей полушировидной или реже овальной и округлой расплывчатой формы, расположенных близко одна к другой. Диаметр курганов 5.30—18 м, высота 0.30—2.80 м. Северо-восточные склоны насыпей, в особенности наиболее крупных, значительно круче, в силу естественного ската плато к югу.

Как видно на плане (рис. 1), старыми раскопками была задета главным образом древ-

¹ А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. Матер. по археол. России, № 25, 1901, стр. 43.

² Б. Н. Граков. Отчет об археологических исследованиях. Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губ. общества краеведения. Иваново, 1927, стр. 34 и сл.

³ Материалы хранятся в Ростовском музее. Отчет о раскопках не опубликован.

нейшая северо-восточная часть могильника, где были вскрыты все крупные насыпи; часть же насыпей, преимущественно в юго-западном углу могильника, подверглась разрушению в результате всякого рода хозяйственных работ. Всего насчитывается более 110 насыпей, разрушенных подобным образом. Отдельные крупные курганы были уничтожены при равнении местности под постройки.¹

Тимеревский могильник расположен на мысу, образованном долинами ручья Сечки и р. Которостли — притока Волги. Могильник занимает площадь около 4 га, покрытую лесом, имеющую форму неправильного овала. Насыпи полушировидной формы имеют диаметр от 6 до 20 м, выс. от 0.7 до 4 м. Около $\frac{1}{3}$ курганов носит следы раскопок.

Особенностью курганов обоих могильников является наличие в основании насыпей рва глубиной 0.25—1.50 м, образовавшегося при выемке земли для сооружения насыпи; особенно ясно ров прослеживается у крупных насыпей Тимеревского могильника. Состав насыпей — преимущественно светло-желтый суглинок со значительными прослойками красной глины, реже желтая супесь.

Для характеристики Михайловского и Тимеревского могильников мы располагаем довольно значительным материалом. Михайловский могильник представляет 85 комплексов, происходящих из раскопок разных лет, которыми можно оперировать как вполне полноценным материалом. Из раскопок Тимеревского могильника имеется 45 целостных комплексов.

Древнейшие курганы обоих пунктов, содержащие сожжения, занимают возвышенные части местности, вокруг которых нарастали курганы более позднего времени. На Михайловском могильнике древнейшей является его северо-восточная часть; в дальнейшем могильник разрастался в юго-западном направлении. На Тимеревском могильнике более древние курганы расположены на возвышенной гряде, тянувшейся по центральной части могильника в направлении с СВ на ЮЗ.

Основным обрядом погребений для ранней группы курганов является трупосожжение, остатки которого помещались в насыпи кургана. На Михайловском могильнике из 85 комплексов 55, т. е. более половины, представляют собой остатки трупосожжения. На Тимеревском могильнике сожжения представлены 31 комплексом.

Сожжение умерших производилось как на стороне, так в некоторых случаях и на месте сооружения кургана. В первом случае (условно примем эти погребения за первую группу сожжений) после сжигания умершего кальцинированные кости, собранные вместе с могильным инвентарем, значительно пострадавшим от огня,

¹ В 1899 г. таким путем был разрушен один курган; предметы, найденные при этом — меч и боевой клинок — поступили в Ярославский музей.

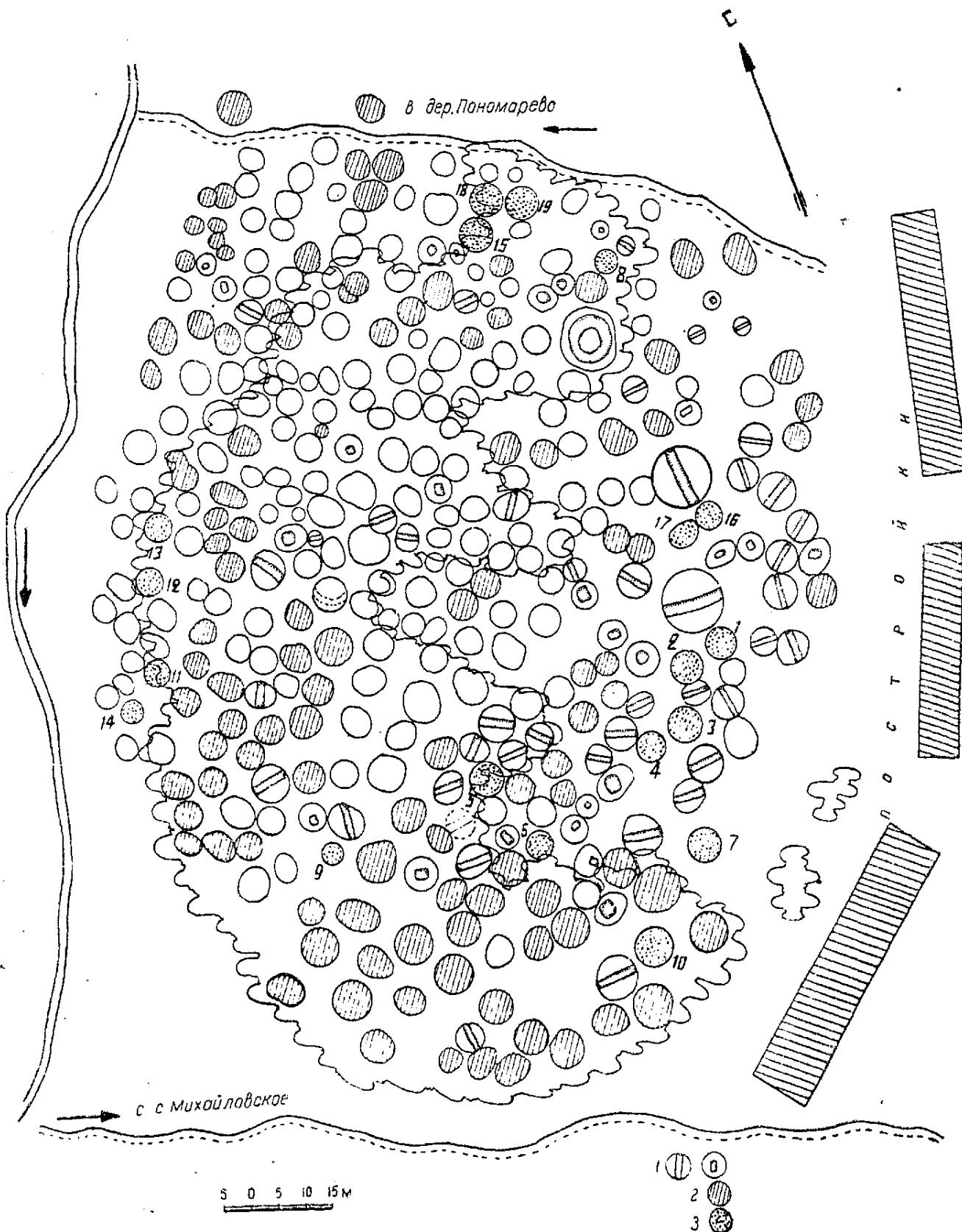

Рис. 1. План Михайловского курганного могильника.

1 — курганы, ранее раскопанные; 2 — курганы, частично разрушенные; 3 — курганы, раскопанные в 1938 г.

помещались затем на материке или в насыпи кургана. Такая форма трупосожжения связывается не только со славянскими памятниками второй половины I тысячелетия н. э. (описание его находим в древней летописи); она была представлена в памятниках этого времени Средней Европы, Прибалтики и Скандинавского полуострова и, таким образом, представляет со-

бой широко распространенный обряд, существовавший у различных народов.

В Михайловском могильнике сожжение, совершенное вне кургана, встречено в следующих насыпях: раскопки А. И. Тихомирова в 1896 г. — № 2; в 1897 г. — №№ 1, 2, 4, 7, 9, 10, 18, 19; в 1898 г. — №№ 3, 5, 11, 15, 28, 30, 31, 35, 39, 46; раскопки Т. Й. Арне в 1913 г. —

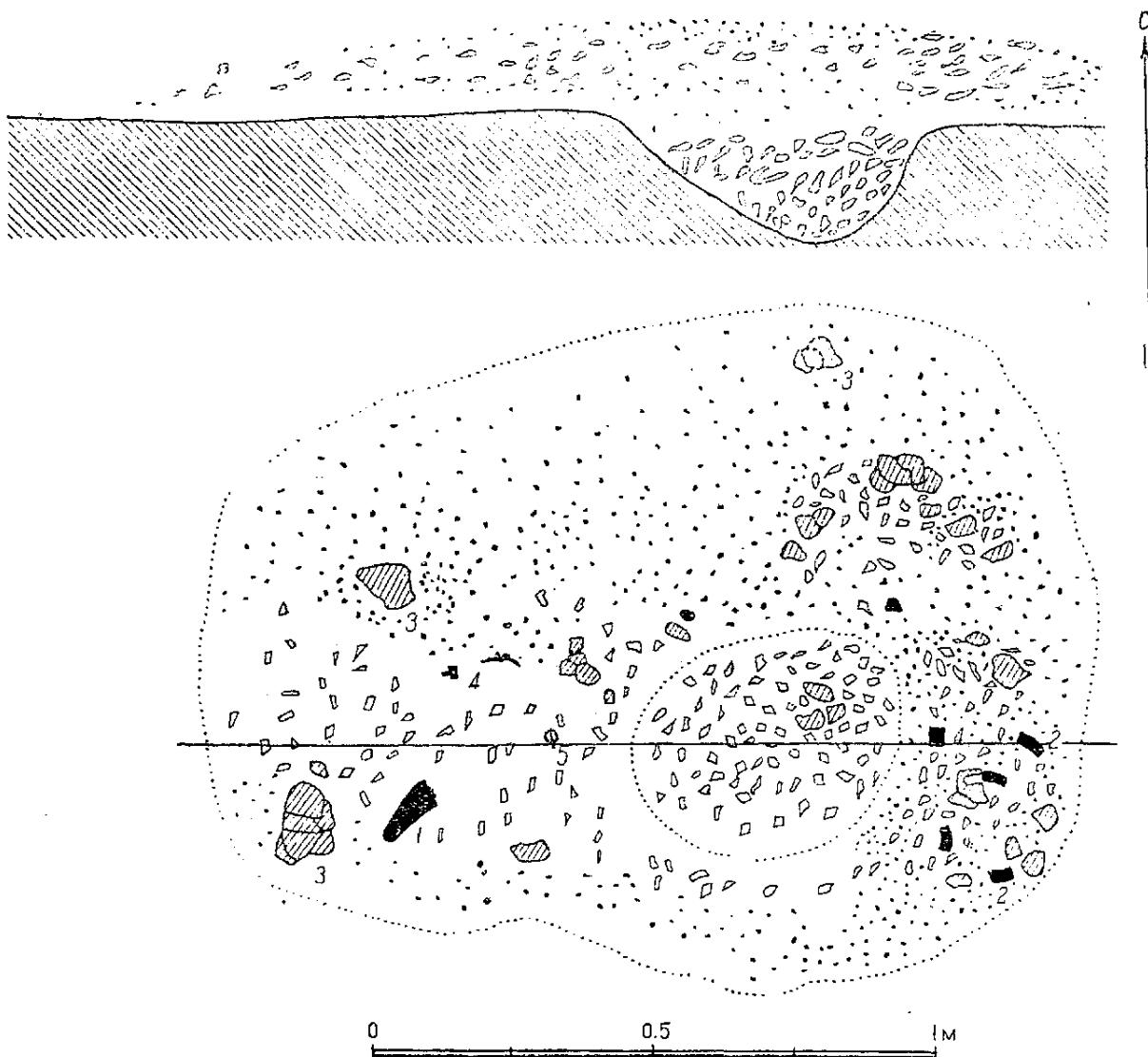

Рис. 2. Михайловский могильник. Курган № 3—1938 г., комплекс I — сожжение.

1 — медвежья лапа; 2 — части кольца; 3 — обломки сосудов; 4 — железные оковки; 5 — пряжка.

№№ 6 и 18; раскопки Д. Н. Эдинга в 1921 г.— №№ 1, 2, 4; раскопки автора в 1938 г.— №№ 2, 3, 6, 10, 15, 16; в 1939 г.— №№ 22, 25.

Остатки таких сожжений представляют собой собранные вместе жженые человеческие кости, иногда с примесью жженых костей животных, и могильный инвентарь; все это смешано с золой и иногда углем. Размеры скоплений жженых костей бывают различны: поперечник 0.05 м—3.80 м; они имеют круглую или овально-вытянутую форму, а иногда представляют собой совершенно бесформенную прослойку разбросанных костей.

Нередко вместе с остатками сожжения в курган переносились также остатки кострища в виде обугленных плах и мелких обломков угля.

В отдельных случаях скопления костей сочетаются с ямками конической формы, вырытыми в материке, диам. 0.15—0.60 м и глубиной 0.15—0.30 м, в которыесыпалась значительная часть кальцинированных костей. Это имело место в курганах № 15—1898 г., №№ 3 и 6—1938 г. (рис. 2), а также № 25—1939 г. Помимо ямок, в некоторых курганах были встречены прослойки смешанного с сажею и углем

чернозема, среди которых помещались сожженные кости и могильный инвентарь.

Обычай помещать остатки сожжения в ямку прослеживается в ряде раннеславянских памятников. Он наблюдался в длинных курганах, в архаичных круглых курганах на территории Белоруссии, в так называемых «литовских» курганах и т. д.

В некоторых случаях, наконец, остатки сожжения помещались в глиняный сосуд — урну, поставленную на материке (напр. №№ 11, 27, 28 и 39—1898 г.) или врытую в материк (напр. № 6—1938 г.).

Курганные насыпи Михайловского могильника содержали обычно по одному сожжению и лишь в нескольких случаях в курганах было встреченено по 2—3 сожжения, причем одно из них располагалось в насыпи и второе на материке, или же все сожжения были расположены на материке на значительном расстоянии одно от другого. К таким курганам относятся №№ 9, 10—1897 г., № 39—1898 г. Кроме того, отмечаются случаи, когда в одном скоплении встречены кости нескольких индивидуумов (№ 1—1938 г.). Ряд сожжений, помещенных

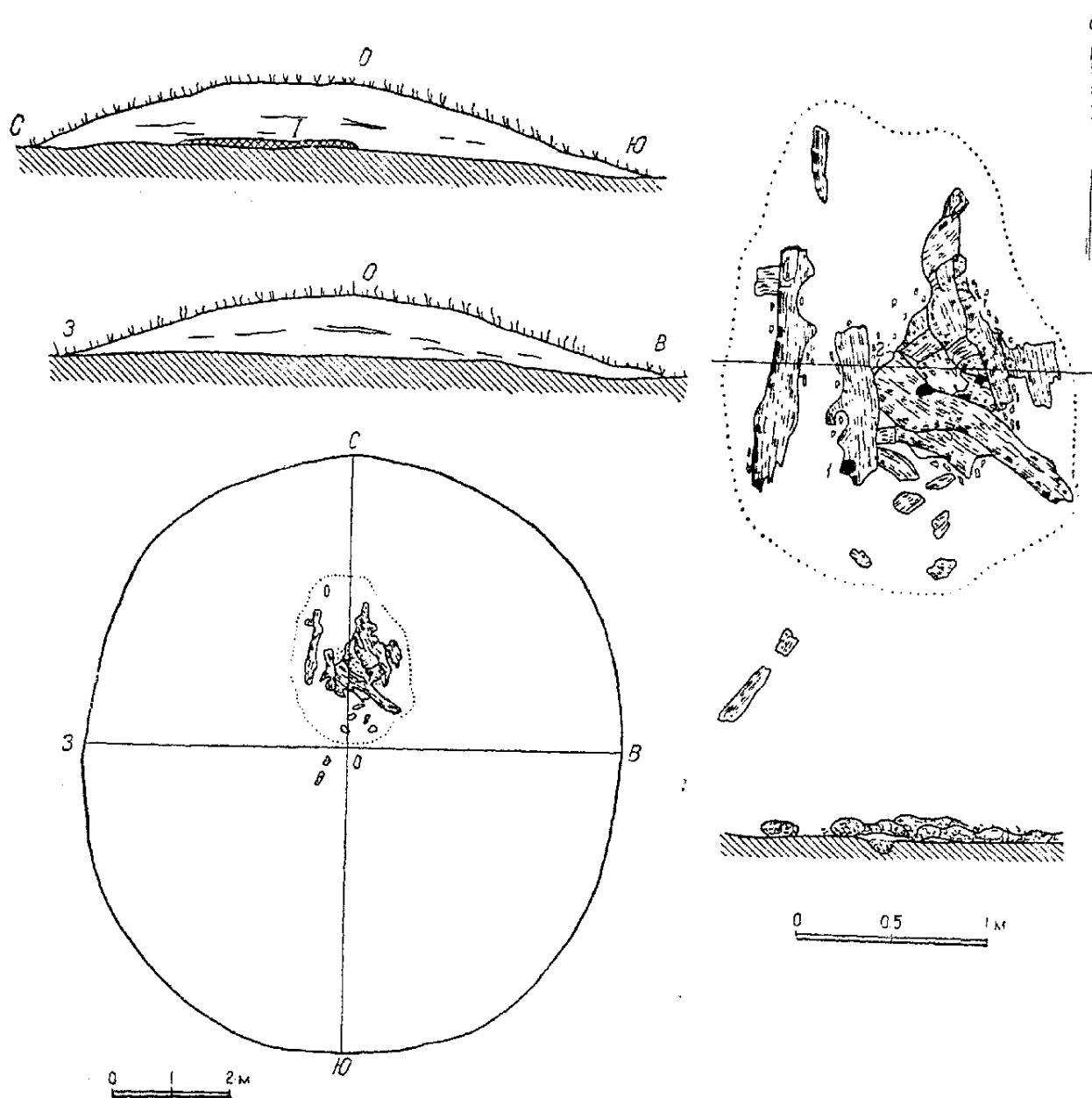

Рис. 3. Михайловский могильник. Курган № 1 (раскопки 1938 г.). Разрезы и план кургана. План и разрез кострища.
1 — черепки; 2 — весовая гирька.

в одной насыпи, представляет собой пережиток древнего обычая захоронения в общей родовой усыпальнице, наблюдаемого у всех северных славянских племен.

Ко 2-й группе курганов с сожжением относятся те из них, в которых сожжение производилось на месте сооружения насыпи. К ним относятся курганы: 1896 г.—№ 1; 1897 г.—№№ 11, 20; 1898 г.—№№ 1, 7, 8, 18, 19, 20, 21, 24, 26, 27, 32, 42, 50; 1902 г.—№ 1; 1913 г.—№ 10; 1938 г.—№№ 1, 4, 5, 7, 9.

Следы кострища располагаются в основании насыпи и реже выше в самой насыпи и представляют собой вытянутые в определенном направлении или разбросанные бесформенные скопления обугленных плах хвойного (сосна) или лиственного (береза) дерева и мелкие куски угля. Размеры кострищ разнообразны, их диаметр достигает до 5.70 м. Единично встречались огромные по размерам кострища, например в кургане № 50—1898 г. По площади

кострища рассеяны кальцинированные кости и могильный инвентарь, в том числе раздавленные сосуды. И. А. Тихомиров отмечает, что больше угля сохраняется в тех случаях, где плахи были березовые или ольховые.¹

Довольно часто под кострищем были обнаружены ямки, аналогичные описанным в 1-й группе, в которых помещалось скопление кальцинированных костей. Они были обнаружены в курганах 1898 г.—№№ 1, 8, 42; 1838 г.—№ 1 (рис. 3); 1939 г.—№ 25.

Наряду с этим встречаются курганы с остатками кострища на материке, причем скопления кальцинированных костей помещались в насыпи кургана. Однородный характер инвентаря не вызывает сомнения, что в этих случаях мы имеем дело с остатками одного и того же погребения (напр. № 1—1896 г.).

¹ Дневник раскопок И. А. Тихомирова в 1897 и 1898 гг. ГИМ, фонд 99, ед. хр. 42.

В отдельных случаях (№ 7—1938 г.) можно говорить о наличии в курганах небольших деревянных сооружений — срубов, реконструировать характер которых невозможно в виду их сильного повреждения огнем.

Курганы с трупосожжением на месте насыпи встречаются значительно реже, чем курганы первого типа. Подобный обряд был встречен на Гнездовском могильнике, причем сожженные кости часто помещались в урну.¹ Таковы большие черниговские курганы.² А. А. Спицын указывает на ненорманный характер этого обряда. Сожжения, совершенные на месте кургана, правда, представлены в шведских погребениях на Бьорко, однако по ряду признаков они отличны от наших погребений.

Из 2-й группы сожжений Михайловского могильника выделяются два случая неоднократных сожжений. В кургане № 20—1897 г. в насыпи на разном уровне встречены два кострища.

Еще более интересным является курган № 50—1898 г., где на материке под центром насыпи встречено огромных размеров кострище, на котором были разбросаны остатки сожжения и находился сосуд с инвентарем. Кроме этого, в разных частях насыпи найдены скопления пережженных костей, расположенные на разных глубинах, но не выше чем 0,36 м над кострищем и преимущественно в северной половине насыпи. Несомненно, что этот крупный курган с кострищем и многократными захоронениями остатков сожжения на стороне является одним из древнейших на Михайловском могильнике, чему не противоречат и вещественные остатки. Отметим, что именно этот курган, в виде исключения, копался на снос, чему мы и обязаны более подробными сведениями об обряде погребения.

Для древних курганов с неоднократными погребениями характерным признаком являются следы неоднократной подсыпки насыпи — дугообразные прослойки серого цвета, представляющие погребенную почву с включениями костей и угольков. Обычно в насыпях встречаются 2—3 подобные прослойки, расположенные одна над другой. Они были отмечены И. А. Тихомировым в кургане № 11—1887 г., поврежденном в центре поздней впускной ямой.

Такие же курганы встречены на Тимеревском могильнике. И. А. Тихомиров отмечает прослойку в кургане № 3—1900 г. То же наблюдалось в двух курганах Тимеревского могильника, раскопанных в 1939 г. (№№ 14 и 16).

В «сопковидном» кургане № 14—1939 г. крупного размера (диам. 16 м и выс. 2,5 м) насыпь имела две дугообразные серые прослойки погребенной почвы, с отдельными угольками и костями животных. В центре насыпи встре-

¹ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, стр. 6 и сл.

² Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908.

чены остатки деревянного сооружения из истлевших плах и в его пределах или несколько в стороне на разных глубинах обнаружено не менее 16 сожжений, помещенных либо в ямках, покрытых каменными плитками и крупными валунами, либо в виде кучек жженых костей разной величины. В стороне от сожжений, в северо-западной поле кургана, встречена каменная кладка в виде площадки овальной формы, сложенная из валунов средних размеров, а в центре кургана в материке яма цилиндрической формы с единичными костями животных (рис. 4).

В кургане № 16, меньших размеров, в насыпи также наблюдались две дугообразные прослойки, а в центре кургана на разных глубинах встречены 9 сожжений в виде отдельных скоплений кальцинированных костей, ограниченных по бокам обгоревшими плахами или в ямках в материке. Нижний ярус сожжений как бы ограничивался с двух сторон длинными обугленными плахами, видимо также представляющими остатки деревянного сооружения.

Деревянные и каменные сооружения в насыпи курганов с многочисленными захоронениями сожжений обычны для древнейших славянских памятников Новгородской земли — так называемых сопок. Каменная кладка и следы деревянных сооружений имеются в сопках у с. Михаил-Архангел и Старой Ладоги на Волхове, исследованных Н. Е. Бранденбургом,¹ и в многочисленных сопках по р. Ловати, исследованных Л. К. Ивановским.² Для ловатских сопок очень характерны и прослойки в насыпи, говорящие о двух- и трехкратной подсыпке насыпей.

Каменная кладка на Тимеревском могильнике была встречена несколько раз. Видимо, ее имел в виду А. И. Кельсиев, указывая на курганы, «выложенные камнями», тогда как наружной каменной кладки на Тимеревском могильнике обнаружено не было. Этот факт отмечал еще И. А. Тихомиров.³ Он обнаружил род кладки в Тимеревском кургане № 1—1900 г. На Михайловском могильнике в кургане № 5—1938 г. был встречен в насыпи род каменной кладки округлой формы из колотых обожженных камней. В. А. Городцов в докладе Московскому археологическому обществу о раскопках на Михайловском могильнике в 1902 г. отмечает: «при раскопках ... были замечены новые черты обряда трупосожжения, найденные вещи были помещены в небольшом, иногда выложенном камнем углублении под кострищем».⁴

Обе группы курганов, как с сожжением, совершенным на месте, так и с сожжением, совершенным на стороне, являются хронологически

¹ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, 1895, стр. 135 и сл.

² А. А. Спицын. Сопки и жальники. Зап. Русск. археол. общ., т. XI (новая серия), 1899.

³ Дело № 82/1900 г. Раскопки И. А. Тихомирова в Ярославской губернии и уезде.

⁴ Древности, т. XXI, вып. 1. Протоколы, стр. 52.

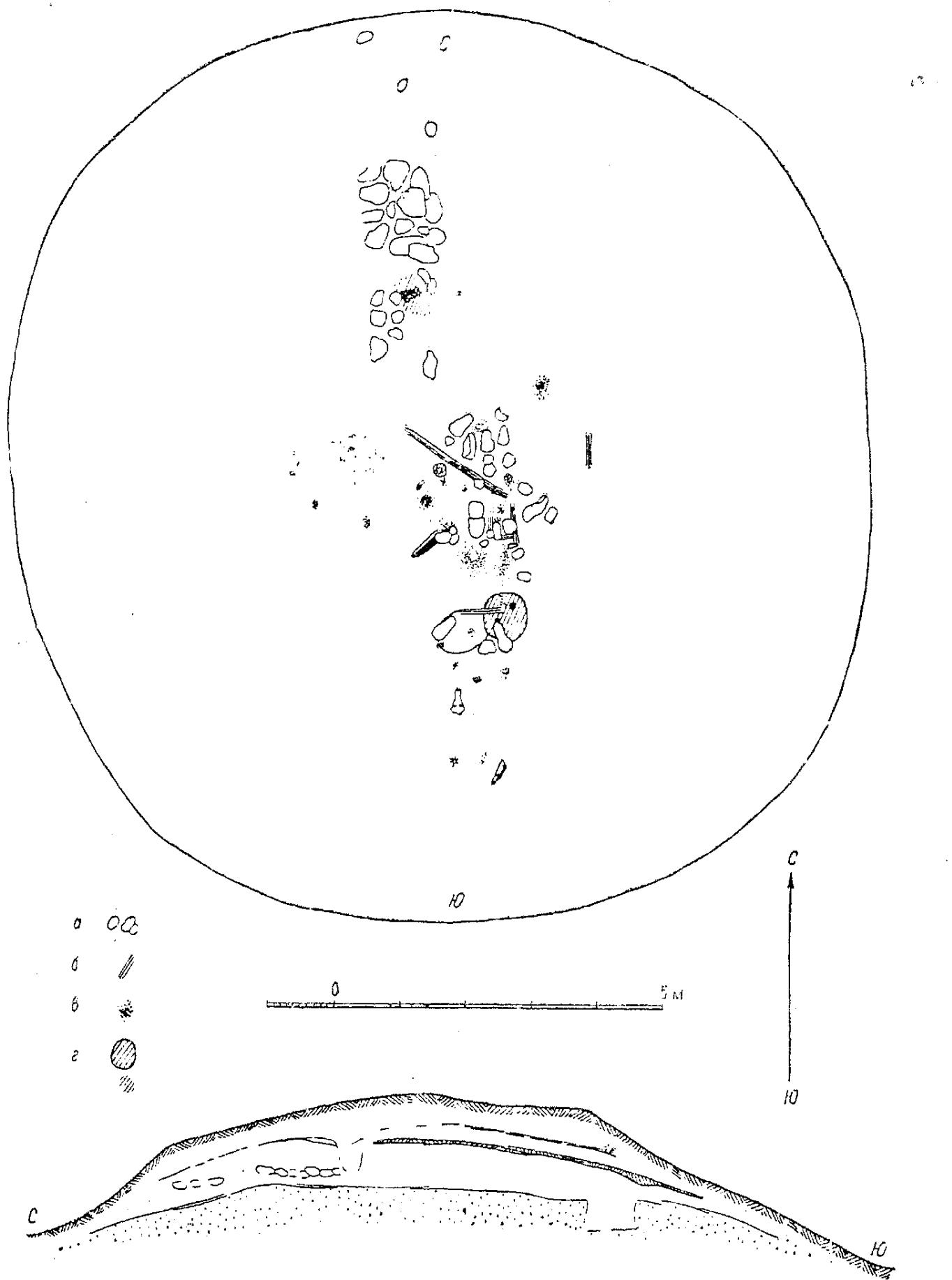

Рис. 4. Тимеревский могильник. Курган № 14--1939 г.
а — камни; б — следы дерева; в — перекложенные кости; д — ямы.

одновременными, в чем мы убедимся дальше при обзоре инвентаря.

Прежде чем перейти к характеристике находок, необходимо остановиться на курганах, по своему обряду представляющих отклонения от вышеописанных групп.

В раскопках И. А. Тихомирова имелась целая серия насыпей, содержавших лишь слой золы и угольков на материке и в ряде случаев некоторый инвентарь — чаще всего фрагменты сосудов. Таковы курганы: 1897 г. — №№ 12 и 15; 1898 г. — №№ 4, 10, 16, 23, 29; 1913 г. — № 7. Несомненно, что эти курганы следует причислить к курганам 1-й группы, содержащим остатки разрушенных сожжений. В тех случаях, когда кальцинированные кости помещались высоко в насыпи, было достаточно незначительного ее повреждения, чтобы уничтожить следы сожжения.

Встречены при старых раскопках также и пустые курганы. В большинстве случаев отсутствие погребения является результатом разрушения или недостаточно полного исследования насыпи. В отдельных случаях пустые насыпи могли представлять собой результат существовавшего в древности обычая сооружения «памятного» кургана в честь погибших на стороне.

Курганы со смешанными погребениями — сожжениями и трупоположениями — представляют отдельные исключения. В кургане № 34—1898 г. в насыпи встречен был раздавленный сосуд, в котором находились остатки сожжения. Ниже под сосудом находилось древнее трупоположение воина вместе с погребением коня и еще ниже второе сожжение. Погребение с конем не является единичным. На Михайловском могильнике остатки конского захоронения были встречены также в нескольких сожжениях (напр. курган № 10—1897 г.). В кургане № 44—1898 г. Михайловского могильника в насыпи были встречены обломки сосуда (видимо с остатками сожжения) и ниже древнее трупоположение с вещами.

На Тимеревском могильнике также имеется несколько любопытных случаев смешанных погребений. В кургане № 14—1900 г. в насыпи кургана было встречено сожжение и на значительном расстоянии от него более позднее трупоположение. Ниже на материке было найдено второе более древнее сожжение. Объяснение И. А. Тихомировым данного случая как одновременного захоронения господина, наложницы и убитого раба не обосновано. В курганах № 4—1938 г. и № 19—1939 г. были встречены трупоположения, нарушившие находившиеся в насыпи более древние сожжения. Первое из указанных погребений, на основании монеты и других находок, может быть датировано серединой X в. Таким образом выявляется весьма любопытный факт сосуществования в течение, вероятно, короткого времени двух обрядов — трупосожжения и трупоположения.

Интересно отметить, что в свое время вопрос

о хронологическом разграничении различных обрядов погребения вызвал много споров. В. А. Городцов придерживался мнения, что обряд сожжения и погребения существовал на Михайловском могильнике одновременно, что являлось признаком социального различия, и сожжение применялось состоятельным слоем населения.¹

IV

Переходя к характеристике находок, происходящих из обеих групп трупосожжений, необходимо отметить прежде всего бедность и относительное однообразие инвентаря.

Кроме упомянутой выше глиняной посуды, при сожжениях встречаются остатки украшений и предметов убора, железные ножи, точильные бруски, монеты, остатки костяных гребней и уховерток и лишь в исключительных случаях какой-либо другой инвентарь, в частности предметы вооружения. Огромный интерес представляют глиняные изделия несомненно ритуального назначения — кольца и изображения медведьей (?) лапы, встреченные как в Михайловском, так и в Тимеревском могильниках.

На Михайловском могильнике было найдено всего 12 глиняных лап [курганы: 1897 г. — № 7 (табл. I, 4) и 12; 1898 г. — №№ 20, 44 и 50; 1938 г. — № 3, 6 (табл. I, 2), 7, 15 и 16; 1939 г. — № 22]. Всегда, за исключением двух случаев (1938 г. — № 6 и 1939 г. № 22), лапы сопровождались глиняными кольцами. В кургане 1897 г. — № 7 встречены 2 лапы; кроме того, отмечены два случая находки одних колец (1896 г. — № 1 и 1898 г. — № 46). Во всех известных случаях глиняные лапы находились на материке, обычно рядом с сосудом-урной или иногда внутри него. Ни в одном случае лапы не были встречены в насыпи вместе с кальцинированными костями. Сохранность лап и колец очень плохая; они обычно бывают разрушены корнями деревьев. Часть их сделана из необожженной рыхлой глины с примесями, пальцы грубо намечены, часть же изготовлена из обожженной глины хорошего качества серого или красного цвета, пальцы сформованы более рельефно. Обычные размеры лап: длина 9—14,5 см, ширина 5—10 см, одна — тыльная — сторона обычно выпуклая, другая — вогнутая. Размеры колец различны: диаметр от 8 до 20 см; сечение бывает трапециевидное, треугольное или круглое (табл. I, 3).

К древнейшим погребениям Михайловского могильника нам представляется возможным отнести сожжения в крупных курганах (1898 г. — №№ 20 и 50), в которых среди прочего инвентаря встречены и глиняные лапы. В кургане 20 в насыпи, среди кальцинированных костей, оказался железный нож, по форме близкий

¹ Древности, т. XXI, вып. 1. Протоколы, стр. 54 и сл.

Михайловский и Тимеревский могильники. Глиняные лапы и кольцо.

1 — Тимеревский мог., кург. № 20—1878 г.; 2 — Михайловский мог., кург. № 6—1938 г.; 3 — Михайловский мог., кург. № 1—5—1938 г.;
4 — Михайловский мог., кург. № 7 — 1897 г.; 5 — Тимеревский мог., кург. № 25—1939 г.

ножам из сопок Ленинградской области,¹ но более удлиненный. На материке на слое угля встречены лепной сосуд с насечкой по краю, фрагменты глиняного кольца, фрагментированная лапа и железная пряжка в форме прямоугольника с двумя вогнутыми сторонами (табл. V, 18; стр. 78), аналогичная найденной в Волховских сопках (Победище 140, компл. V).² Встречена также пластинка с отогнутыми концами — кочедык. В кургане № 50 на огромном кострище, расположенному на материке, стоял крупный лепной сосуд баночной формы (типа рис. 5, 1, стр. 71) и в нем вещи: несколько бронзовых прямоугольных ажурных (табл. V, 14) пластинок, 2 крюковидно изогнутых стерженька, чечевицеобразные пуговки, просверленный астрагал бобра, фрагмент глиняного кольца и лапа.

Оба комплекса, на основании предметов, аналогичных находимым в сопках, а также раннемерянской подвеске, могут быть датированы временем не позднее второй половины VIII в.

К этому же времени относится курган № 27—1898 г. Михайловского могильника. В этой насыпи на кострище на материке встречены остатки сожжения, помещенные в лепном сосуде из глины с зернами кварца, с насечкой по краю. Сосуд был накрыт толстой крышкой из слабо обожженной глины. В нем встречены вместе с остатками сожжения железные ножницы с пластинчатой изогнутой дужкой, ключ, кочедык в виде загнутого на конце стержня, нож архаической формы, височное бронзовое кольцо и серебряная монета Омейяды Васит 94 г. хиджры (712—713 гг.) с пробитым отверстием.³

Монетная находка в данном случае может довольно точно датировать погребение. Если даже принять ее максимально длительное бытование (50—80 лет), то курган может быть датирован не позднее второй половины VIII в. Отметим при этом, что для наиболее ранних сожжений характерно отсутствие скандинавских изделий.

Большинство курганов Михайловского могильника, в которых были найдены глиняные лапы, принадлежит IX и X ст.

Массивная глиняная лапа из грубой, серой, обожженной глины (табл. I, 4) встречена в кургане № 7—1897 г. Она сопровождалась фрагментами глиняных колец, трапециевидных в сечении, и фрагментом другой лапы. Из сопровождающих находок отметим: длинный точильный бруск, точильную плитку с отверстием, обломок лезвия меча, небольшой железный шип с загнутыми концами, обломки же-

леза, часть костяной пластинки с орнаментом (табл. VII, 9, стр. 81), фрагмент восточной монеты (Ибрагим 804 г.?) и пр. Все это лежало на материке в кучке сожженных костей, среди них встречен клык животного (собаки или волка?). На основании монетной находки комплекс может быть датирован серединой IX в.

В кургане № 16—1938 г. Михайловского могильника в насыпи встречено сожжение с ножом; фрагмент лапы лежал на материке, рядом с раздавленным сосудом древней формы с чуть вогнутым внутрь венчиком (табл. II, 2, стр. 72). Подобные же сосуды были встречены в так называемых литовских курганах и на Дьяковом городище под Москвой,¹ комплекс можно датировать, вероятно, тем же временем, что и предыдущий.

К этой же группе следует отнести сожжение из кургана № 15—1938 г., где на материке среди кальцинированных костей встречены серебряное колечко с завязанными концами и фрагмент пятиной части глиняной лапы. Аналогичные колечки встречены в ранних сожжениях Приладожья (курган выше Вихмес 71, компл. 4 и др.).

Более многочисленны находки глиняных лап и колец в комплексах первой половины X в.

В кургане № 1—1896 г. Михайловского могильника на кострище, расположенному на материке, встречены обломки глиняного кольца. По комплексу находок из сожжения, расположенного над кострищем, — скорлупообразным фибулам с головками коньков (рис. 9, стр. 75) — курган может быть датирован первой половиной X в. Аналогичные фибулы известны в Гнездовском могильнике.² В. И. Сизов относил эти фибулы к наиболее ранним образцам. Т. І. Агие неправильно относит этот тип фибул к началу XI в. В кургане № 1—1896 г., кроме того, встречены оковка от ларчика, ножницы, ключ, шип и пр. Не менее характерным является комплекс кургана № 6—1938 г., где во врытом в материк сосуде баночной формы были встречены остатки сожжения, фрагменты двух скорлупообразных фибул середины X в. (табл. IV, 2, стр. 76), бляшка «с жучком» (табл. III, 1) и некоторые другие предметы. Рядом на материке, около остатков обгорелой плахи лежала фрагментированная глиняная лапа красной глины хорошего обжига (табл. I, 2).

К этой же группе можно отнести сожжение из курганов №№ 3 и 7—1938 г. Михайловского могильника.

В кургане № 44—1898 г. Михайловского могильника на материке встречено трупоположение с копьем (табл. VI, 4, стр. 79) и тут же под костяком обнаружено сожжение — в сосуде, украшенном зигзагообразными оттисками гребенки и гребенчатой насечкой по краю. Там

¹ Труды IX Археологического съезда в Вильне, т. II, 1883, табл. XXVa, 2.

² В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Матер. по археол. России, № 28, табл. V, 20 и XII, 3.

¹ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и ю.-в. Приладожье. Изв. ГАИМК, вып. 94, табл. XIII, 6.

² Хранится в Гос. Эрмитаже. — Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, стр. 138.

³ Исторический музей, колл. 990-10, определение на основании отпечатка сделано А. А. Быковым (Гос. Эрмитаж).

же встречен фрагмент костяной пластинки с орнаментом из заштрихованных треугольников (табл. VII, 8, стр. 81), коромысло карманных весов и пр. Комплекс можно датировать серединой X в.

На Тимеревском могильнике встречено 9 глиняных лап (табл. I, 1; кург.: 1878 г. — № 20; 1939 г. — №№ 5, 11, 12, 13 20 и 25), обычно сопровождавшихся глиняными кольцами, преимущественно в комплексах IX—X вв. В отдельных сожжениях встречено по две лапы, в кургане № 17—1939 г. найдено лишь кольцо.

На основании вышеизложенного видно, что глиняные лапы и кольца встречены как в древнейших, так и в более поздних курганах, как в бедных сожжениях с однородным инвентарем, так и в богатых курганах с привозными предметами. Наличие этих магических изображений в 14 курганах Михайловского могильника и в 10 курганах Тимеревского могильника (а учитя их плохую сохранность, можно предполагать, что их количество было большим) указывает на массовое их применение в погребальном обряде.

Если обратиться к району распространения таких глиняных изображений на территории СССР, то увидим, что он связан с Ростово-Сузdalским краем. В 1850 г. при раскопках К. Н. Тихонравовым курганов у с. Васильки Сузdalского района, близких михайловским, встречены глиняные лапы и кольца (курганы №№ 213 и 227).¹

Подобные же сожжения с глиняными лапами и кольцами были обнаружены при раскопках А. С. Уварова у с. Веськово, у с. Большая Брембала и в виде единичных экземпляров у с. Городище, Шурскalo, Богослово, Кустера, Шокшово и Весь Сузdalского района Ярославской обл. и Юрьевского района Ивановской обл.²

Большинство погребений представляло собой сожжение, в некоторых из них встречены куфические монеты конца VIII—X ст. В одном комплексе (Б. Брембала, 1493), лапа сопровождалась монетой Оттона I до 996 г. Глиняные кольца и лапы встречались вместе, а иногда и в нескольких экземплярах. В одном случае лапа была найдена в погребении вместе со скорлупообразной фибулой. А. С. Уваров отмечает, что «глиняные изображения чаще всего встречались в могилах с жжеными костями и обычно лежат подле сосуда с пеплом».³

Отмечены единичные находки глиняных лап в труповложении (например Веськово, курганы №№ 830 и 1546).

Всего по дневнику А. С. Уварова отмечено 20 комплексов с лапами и 10 только с кольцами. Если учесть методику этих повальных раскопок, то можно предполагать, что количество

подобных находок должно быть значительно большим.

Глиняное кольцо было встречено также на могильнике у д. Петровское Ярославской обл., в кургане № 1 из раскопок И. С. Абрамова в 1908 г.

Вне территории СССР находки глиняных лап единичны. К их числу относятся находки из курганного могильника VIII—IX вв. у Годбю в Аландии. Исследователь этого могильника считал находки глиняных лап единственными для того времени в Финляндии и Швеции и рассматривал обычай класть в погребения изображения лап, в качестве воспринятого от «финских племен внутренней России».¹

В работе Е. Kivikoski дается подробное описание 15 лап, встреченных на Аландских островах,² происходящих из сожжений под каменной насыпью, где прослеживались остатки костища. Обычно лапы лежали рядом с урной. Здесь они, видимо, не сопровождались кольцами. Большинство из них автор относит к изображениям медвежьей лапы, а отдельные экземпляры к изображениям бобровой и даже собачьей лапы и один экземпляр к изображению человеческой руки. По инвентарю погребений лапы датируются концом VII—IX вв. В Скандинавии лапы неизвестны, за исключением фрагментированного экземпляра из Södermanland. Е. Kivikoski указывает, что с небольшим вероятием родину подобных изображений нужно искать в России,³ хотя вопрос еще остается неясным.

Отсутствие глиняных лап среди остатков поселений и жилищ этой эпохи, а также условия нахождения их в могильниках, с несомненностью свидетельствует о магическом характере этих предметов. Обычай класть эти изображения в могилу имеет, вероятно, связь с обрядом, встреченным в сопках по нижнему течению р. Волхова. В нескольких из раскопанных Н. Е. Бранденбургом сопках среди сожженных костей были встречены когтевые фаланги медведя вместе с инвентарем VII—VIII и IX—X вв.⁴ Находки когтей отмечены и в курганах Ростово-Сузdalского края. В кургане № 2085 у с. Городища в сосуде вместе с жжеными костями были встречены когти животного (медведя?). В более поздних комплексах (Бородово, курган № 340) найдены серебряные подвески в форме когтей медведя. А. А. Спицын отмечает, что подобные подвески известны в костромских курганах.

Все это говорит о существовании у некоторых северных славянских племен в VIII—X вв. культа медведя, что находило соответственное

¹ Гакман. Археологические раскопки в Аландии. Изв. Археол. ком., вып. 38, 1901, стр. 108 и сл., рис. 186.

² E. Kivikoski. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland. Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA), IX, 1934.

³ Там же, стр. 389 и 390.

⁴ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, стр. 14.

¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 91, рис. 89 и 108.

² А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археол. съезда, т. II. Выбошки из дневника, стр. 820 и сл.

³ Там же, стр. 700—701.

отражение в обряде погребения. Данные по этому вопросу суммированы в публикуемой в настоящем сборнике работе Н. Н. Воронина.

Наиболее распространенным до последнего времени был взгляд о тесной связи медвежьего культа и в частности медвежьих лап ярославских курганов с мерянским населением. Этой точки зрения придерживались А. С. Уваров,¹ Hackman² и E. Kivikoski.³

И. А. Тихомиров, напротив, отмечает существование медвежьего культа у русских и скандинавов.⁴ Попытки увязать культа медведя с какой-либо одной народностью, как нам представляется, направлены по неправильному руслу. Медвежий кульп представляет собой явление стадиального порядка, характерное для целого ряда северных народов Европы и Азии.

Отдельные элементы его сохраняются даже в историческое время. Различной будет лишь та конкретная форма, в которую претворялся этот кульп у того или иного народа.

Обычай класть в погребение глиняную лапу ни разу не был отмечен в упомянутых выше мерянских могильниках, а также в могильниках других народов Поволжья.

V

Самую обычную часть инвентаря Михайловского и Тимеревского могильников представляют глиняные сосуды, отсутствовавшие лишь в нескольких курганах. Обычно, как уже отмечалось, они ставились на кострище или в стороне от него, а там, где кострища не было, помещались на материке рядом с кальцинированными костями. В некоторых сожжениях встречено по 2—3 сосуда. Имеется несколько случаев нахождения сожженных костей в сосуде-урне, поставленном в вырытую ямку в материке. Часто стенки сосуда носят следы сильного действия огня, поверхность их бывает ошлакована.

В массе глиняная посуда отличается однородностью. Это горшки баночной формы, грубо вылепленные от руки и плохо обожженные. Крупные сосуды типичной формы встречены в 4 экз. (типа, помещенного на рис. 5, 1) в курганах: № 18—1897 г., №№ 11 и 50—1898 г. и № 1—1902 г. Высота и диаметр их более или менее равны: 0.30—0.33 м. Небольшие сосуды (типа, помещенного на табл. II, 1—3, рис. 5, 2), со слабее или сильнее моделированными венчиками, представляют наиболее многочисленную группу. Обычно высота сосуда составляет $\frac{3}{4}$ диаметра венчика, но отдельные экземпляры бывают выше. Средние их размеры: высота 0.12—0.16 м, диаметр 0.09—0.14 м.

¹ А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археол. съезда, т. II, стр. 700.

² Известия Археологической комиссии, вып. 38, стр. 112.

³ E. Kivikoski, оп. сіт., стр. 390.

⁴ И. А. Тихомиров. Кто насыпал Ярославские курганы. Тр. II обл. археол. съезда, 1903, стр. 204.

Неправильная форма у целого ряда сосудов, общая небрежность изготовления, рыхлость слабо обожженной глины, из которой они сделаны, видимо свидетельствует о том, что часть сосудов изготавливались специально для погребения. В кургане № 5—1898 г. Михайловского могильника на днище сосуда имелись сетчатые отпечатки; при формовке сосуд, видимо, был поставлен на грубую ткань.

Имеются также миниатюрные сосуды-чашечки аналогичных форм. К сожалению, большинство сосудов из старых раскопок утеряло свою паспортизацию.

Многие сосуды орнаментированы по венчику простой или гребенчатой насечкой: № 10—1897 г., №№ 15, 17—1898 г., №№ 3, 7, 10—1938 г. Очень часто насечка по краю сочетается с орнаментацией плечиков в виде ряда косо или зигзагообразно расположенных оттисков гребенки (№№ 17 и 44—1898 г.) или в виде прочерченных линий и таких же фестонов под нею (№ 15—1898 г., рис. 5, 2). В кургане № 10—1938 г. Михайловского могильника найден венчик сосуда красной глины с архаичным орнаментом в виде фестонов из оттисков веревочки (рис. 6). В кургане № 24—1939 г. Тимеревского могильника обнаружен целый сосуд с веревочным и гребенчатым орнаментом, представляющий собой низкую круглодонную чашку, напоминающую очень плохо еще известную керамику северо-восточных районов Европейской части СССР, принадлежащую предкам коми (табл. II, 5).

Исключительно любопытный комплекс из трех сосудов встречен в Тимеревском могильнике в кургане № 4—1938 г. Сосуды были поставлены вдоль правой стороны мужского костяка (рис. 8). Это были: лепной сосуд баночной формы, украшенный фестонами из гребенчатого штампа (табл. II, 3), небольшой сосуд с сильно моделированным профилем, видимо сделанный на простейшем гончарном круге (табл. II, 4), и привозной болгарский сосуд — кувшин с ручкой, красной глины, с продольным лощением (рис. 7); на основании монеты, диргема Наср-ибн-Ахмеда 914—943 гг., погребение можно датировать второй половиной X в.

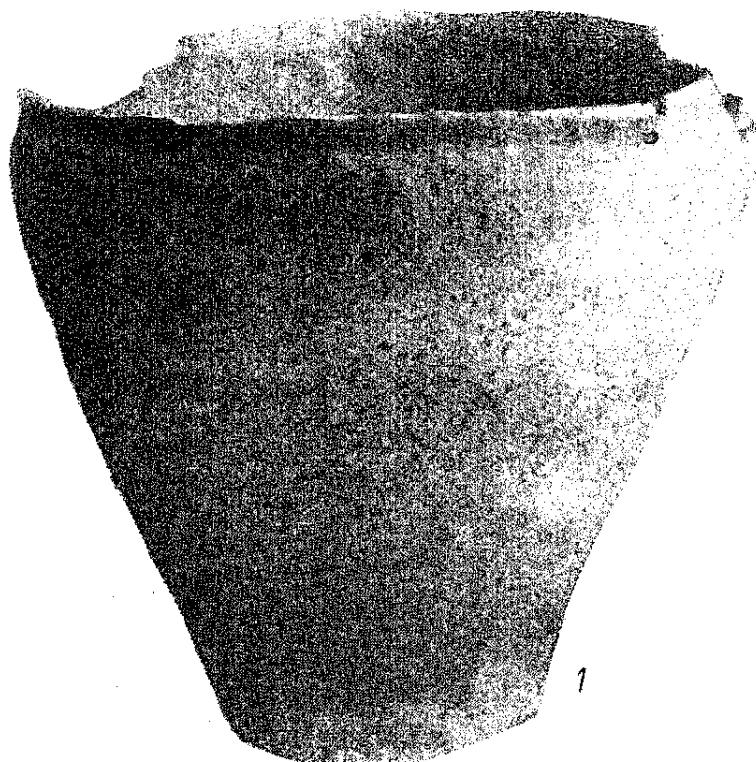
Керамика ярославских курганов, если не считать перечисленных исключений, характерна для славянской культуры IX—X вв. На Боршевском городище Воронежской обл., в Гнездовском могильнике и других славянских памятниках мы встречаем те же формы крупных баночных сосудов, часто украшенных гребенчатым штампом. Те же формы обычны для более северо-западных районов. Ближайшие аналогии ярославской керамике по орнаментации встречены среди материалов древнего славянского городища на Белом Озере, обследованного П. А. Суховым в 1939 г.¹

¹ П. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в южном Белозерье. Наст. сборн., стр. 89 и сл.

VI

Группа металлических изделий, происходящих из Михайловского и Тимеревского могильников,

навского типа, вещи восточные и вещи мерянские, аналогичные изделиям, происходящим из синхроничных муромских или мордовских могильников.

2

Рис. 5. Михайловский могильник. Глиняные сосуды.

1 — из кург. № 18—1897 г.; 2 — из кург. № 15—1898 г.

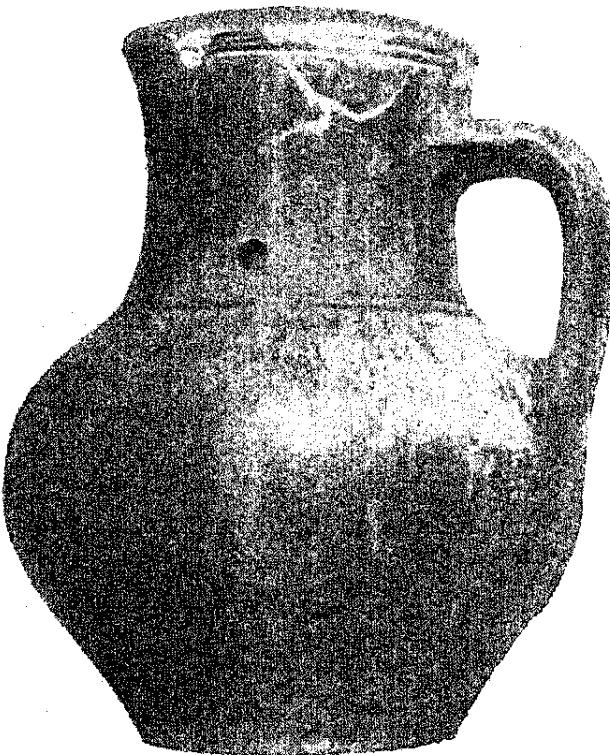
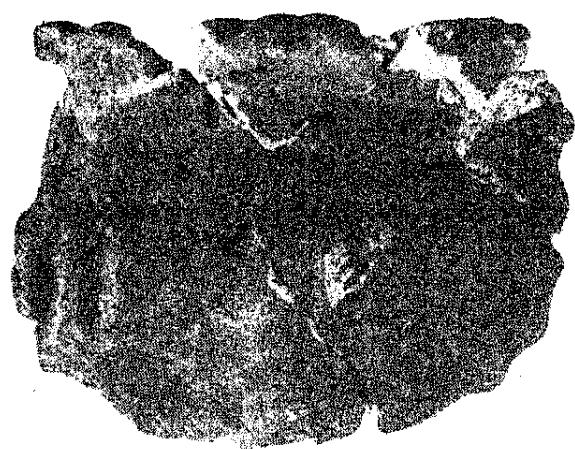

Рис. 6. Михайловский могильник. Фрагмент сосуда из кургана № 10—1938 г.

Рис. 7. Тимеревский могильник. Кувшин из кургана № 4—1938 г.

весьма разнообразна, несмотря на плохую сохранность вещей, сильно пострадавших от огня во время сожжения умерших.

Предметы убора и украшения можно разделить на три основных группы: вещи сканди-

В женском сожжении в кургане № 16—1938 г. Михайловского могильника, наряду с льячком и скорлупообразными фибулами X в., встречена бронзовая круглая ажурная бляха с «жуком» посередине, украшенная веревочкой по

Михайловский и Тимеревский могильники. Керамика.

1 — Михайловский мог., кург. № 7—1938 г.; 2 — Михайловский мог., кург. № 16—1938 г.; 3—4 — Тимеревский мог., кург. № 4—1938 г.; 5 — Тимеревский мог., кург. № 24—1939 г.

краю и с дужкой на обратной стороне (табл. III, 1). По стилю эта фибула чрезвычайно напоминает пермские изделия более раннего времени. Круглая подвеска с «жуком» встречена в кургане № 1—1902 г. (отсутствует в коллекции), где основным погребением было сожжение ремесленника-литейщика. Этот курган, поскольку можно судить по имеющимся отрывочным данным, заметно выделяется среди остальных; В. А. Городцов указывает, что здесь было встречено более 100 предметов, в том числе наиболее богатые привозные скандинавские изделия.

К местным же мерянским изделиям, встреченным на Михайловском могильнике, относится целый набор шумящих подвесок, происходящих из одного кургана раскопок 1902 г. Предметы находились, видимо, в сожжении, так как несут следы действия огня. Это разнообразные подвески, украшенные городками и веревочкой и снабженные привесками (2 экз.—табл. III, 2; 2 экз.—табл. III, 3; 28 экз.—табл. III, 4; 10 экз.—табл. III, 5; 2 экз.—табл. III, 6; 8 экз.—табл. III, 7 и 6 экз.—табл. III, 8). Все вещи выполнены в одной технике; орнаментирована лишь лицевая сторона, на обратной стороне имеются дужки для прикрепления. На поверхности заметны неровности, образовавшиеся при литье. Подобные украшения многочисленны в курганах Ростово-Сузdalского края, исследованных С. А. Уваровым и С. П. Савельевым, где повторяются в точности отдельные из встречающихся у нас типов.¹

Аналогии этим предметам мы находим также в Сарском² и Подболотьевском³ могильниках. Большинство женских погребений сопровождалось там значительным количеством шумящих подвесок прямоугольной, треугольной и других форм, украшавших голову и грудь погребенных; они также подвешивались на поясе и нашивались на подоле платья и на обувь. Отдельные привески типа пронизок имеют близкое сходство с вещами, происходящими из Курмановского могильника.⁴

Перечисленные выше шумящие подвески Михайловского могильника происходят также, видимо, из женского мерянского погребения.

К этой же группе предметов должно быть отнесено украшение полуovalной формы, происходящее из раскопок 1909 г. в виде дужки с двойной спиралью (табл. III, 9). Подобное украшение, снабженное лапчатыми привесками, имеется в составе находок 1891 г., сделанных у д. Загребино Кировской обл.⁵

Из вышеизложенного очевидно, что мерян-

ские вещи в Михайловском могильнике не только единичны, но сосредоточены лишь в некоторых погребениях — вероятно, мерянских. На Тимеревском могильнике они вовсе не были обнаружены.

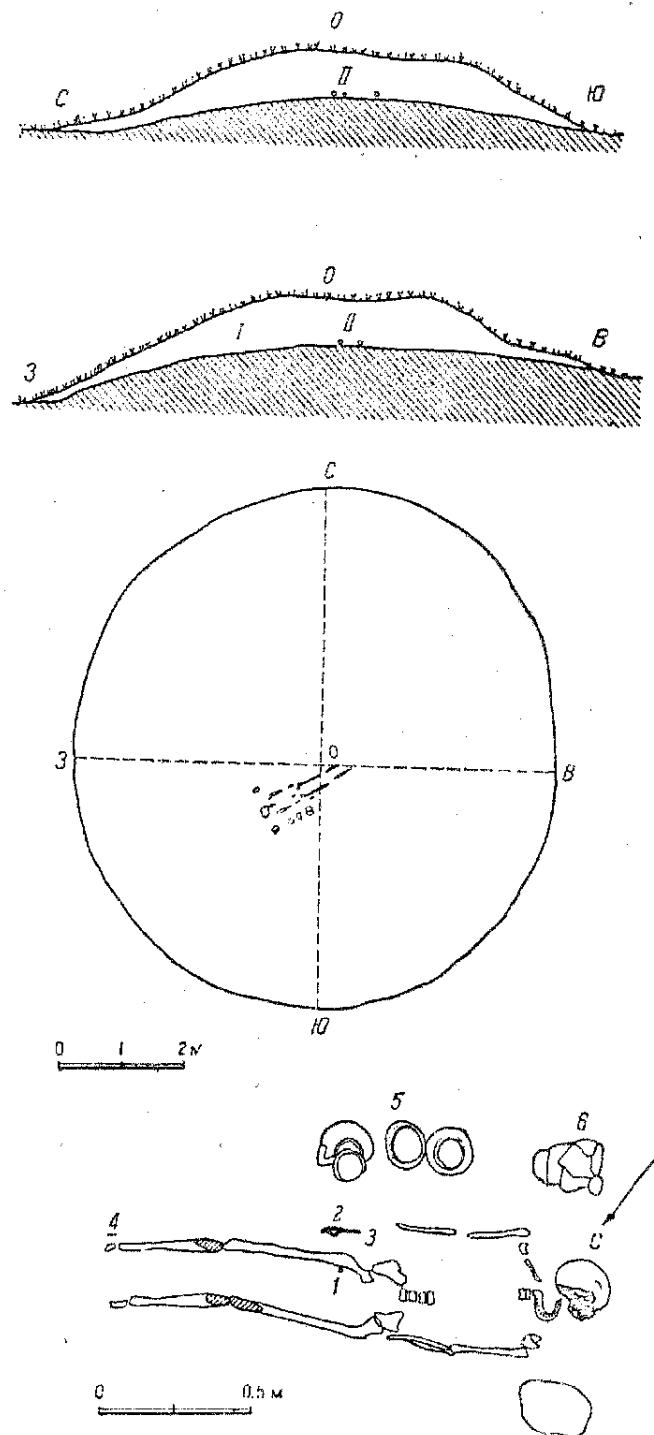

Рис. 8. Тимеревский могильник. Курган № 4. 1938 г.
1 — монета диргем; 2 — кресало; 3 — стержень; 4 — железный обломок;
5 — сосуд; 6 — раздавленный сосуд.

Из предметов скандинавского типа чаще всего встречаются скорлупообразные фибулы.

В кургане № 1—1896 г. Михайловского могильника были встречены две фибулы, украшенные конскими головками (рис. 9).

Скорлупообразные фибулы Борре-стиля, с 7 выступами, найдены на Михайловском могильнике в 5 погребениях, иногда попарно. Всего здесь было встречено 9 экземпляров таких

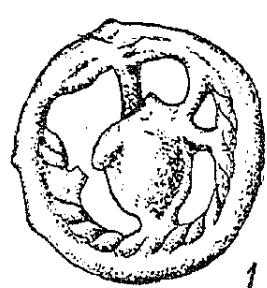
¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. Изв. Археол. комиссии. вып. 15, рис. 431 и 446.

² Материал хранится в Ростовском музее.

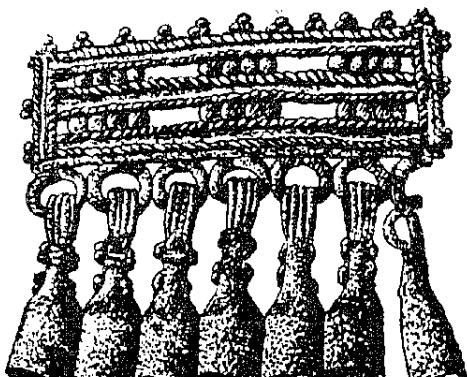
³ В. А. Городцов. Археологическое исследование в окрестностях Мурома. Древности, т. XXIV, стр. 451 и сл.

⁴ Ф. А. Уваров. Курманский могильник. Древности, т. XIV, табл. VIII—VI.

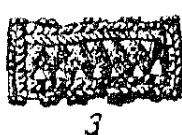
⁵ ОАК, 1891, стр. 105, рис. 88.

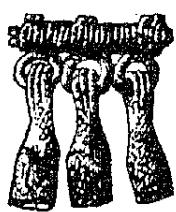
1

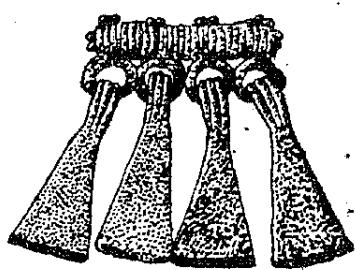
2

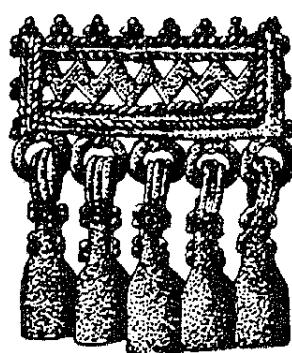
3

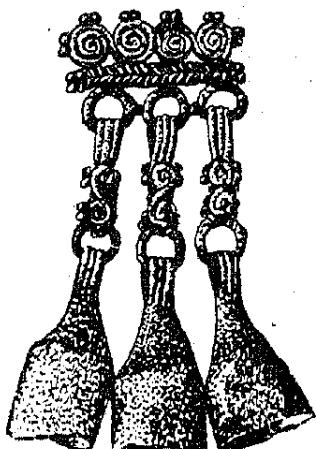
4

5

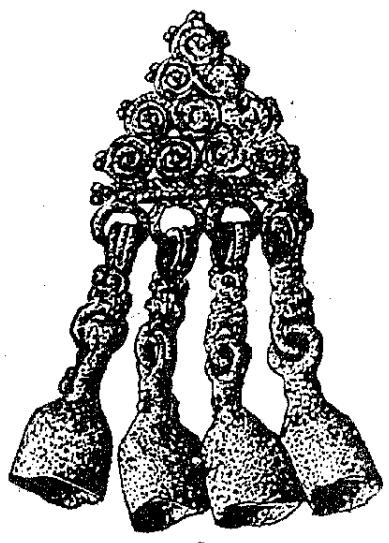
6

7

9

8

Михайловский могильник. Мерянские украшения.

1 — кург. № 6—1938 г.; 2—8 — раск. 1902 г.; 9 — раск. 1909 г.

фибул (курганы № 18—1897 г., № 15—1898 г., 1902 г., № 6—1938 г., № 25—1939 г.) (табл. IV, 2). Значительная их часть сильно повреждена огнем, но отдельные экземпляры хорошо сохранились. Все они одного стиля, за исключением нескольких особых фибул, найденных в кургане № 18—1897 г. Михайловского могильника. У одной из них края вписанных ромбов украшены меандровым орнаментом (табл. IV, 1). Аналогичные экземпляры встречены в Гнездовском могильнике.¹ Вторая фибула из этого же погребения имеет в орнаменте совершенно новый элемент, у середины ее длинных сторон, там, где обычно бывают изображены маски, имеется почковидный орнамент (табл. IV, 3), аналогичный орнаменту восточных почковидных бляшек,² распространенных в памятниках IX в. более южных и восточных районов. Подобное своеобразное сочетание северного стиля с восточным встречается впервые. В этом же комплексе встречена круглая фибула с иглой на обратной стороне и кольцом для подвешивания; лицевая сторона украшена изображением извивающегося животного (табл. V, 5). Кроме того, найден меч и монета Рашид Мединет-ас Селям 193 г. (805—809 гг.). Комплекс может быть датирован концом IX — началом X в.

Остальные скорлупообразные фибулы Михайловского могильника относятся к обычному, наиболее распространенному типу. Две фибулы из раскопок 1902 г. носят следы грубого обращения, их поверхность в трех местах пробита заклепками. Обычные размеры фибул — дл. 11 см, шир. 7 см.

На Тимеревском могильнике также встречено несколько экземпляров скорлупообразных фибул (две из раскопок 1887 г. и одна 1939 г.). Подобные им известны в курганах Ростово-Сузdalского края, в Гнездовском могильнике, в Киеве, Новгороде и особенно многочисленны в курганах юго-восточного Приладожья.

Кольцевидные скандинавские фибулы представлены двумя экземплярами. Один происходит из Михайловского могильника из кургана № 8—1898 г., фибула имеет кольцо, сплошь украшенное плетением и двумя мордами животных с разветвляющимися рогами, расположенными по оси иглы (табл. IV, 5). Аналогичные вещи известны из Люцинского³ и Гнездовского могильников.⁴ Датируются такие фибулы серединой X в.

Второй экземпляр из кургана № 10—1897 г. Михайловского могильника имеет подобный же, но более грубый орнамент. Аналогии известны из Гнездовского могильника⁵ и приладожских

курганов.⁶ Датируется тем же временем. На конец, имеется фибула в форме трилистника, происходящая из кургана № 25—1939 г. Михайловского могильника.

Несколькими экземплярами представлены кольцевые застежки, нередко прибалтийского типа, а также обычного типа со свернутыми трубочкой концами. В кургане № 1—1938 г. Тимеревского могильника была встречена крупная застежка с орнаментированным кольцом и прямоугольными головками (табл. V, 11). В кургане № 39—1898 г. Михайловского могильника встречена фрагментированная подковообразная застежка с гранчатыми головками; кроме того, на Михайловском же могильнике были встречены две железные прямоугольные пряжки, согнутые из пластины, № 20—1898 г. и № 2—1938 г. Аналогичная форма встречена в Волховской сопке Победище 140.

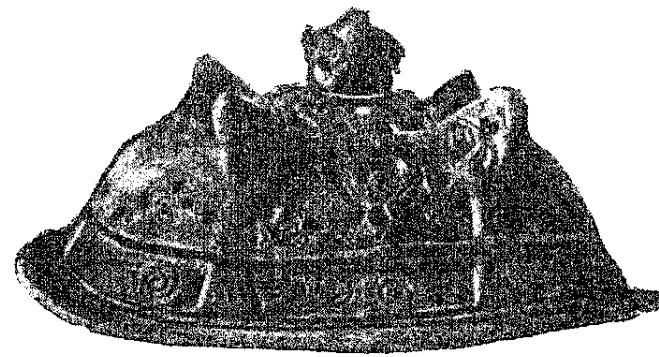

Рис. 9. Михайловский могильник. Фибула с конскими головками.

Поясные наборы представлены довольно разнообразным материалом. В кургане № 1—1902 г. Михайловского могильника встречены два удлиненных наконечника пояса, суживающиеся книзу, украшенные рельефным орнаментом, состоящим из морд животных, масок и плетения (табл. IV, 6); на обратной стороне имеется гладкая пластинка на шпеньках. Подобные предметы, но с более примитивным орнаментом, встречены в Гнездовском могильнике.⁷ Близкие формы известны в Норвегии.⁸ По прекрасному звериному стилю наши экземпляры могут быть отнесены к концу IX — началу X в.

Видимо, к этому же комплексу относятся бляшки: прямоугольная выпуклая с широкой дужкой, украшенная ажурным плетением; круглая выпуклая с плетеным орнаментом, несколько фигурных удлиненных с неясным звериным орнаментом; полукруглая серебряная с позолотой, украшенная по краю кружками (табл. V, 1—4). Большинство из них скандинавского и часть восточного стиля. Некоторые

¹ В. И. Сизов. Гнездовский могильник. Матер. по археол. России, № 28, табл. 1—2.

² T. J. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 120—121, фиг. 112—116.

³ Материалы по археологии России, № 14. Люцинский могильник, табл. VI, 5.

⁴ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Матер. по археол. России, № 28, стр. 87, рис. 37.

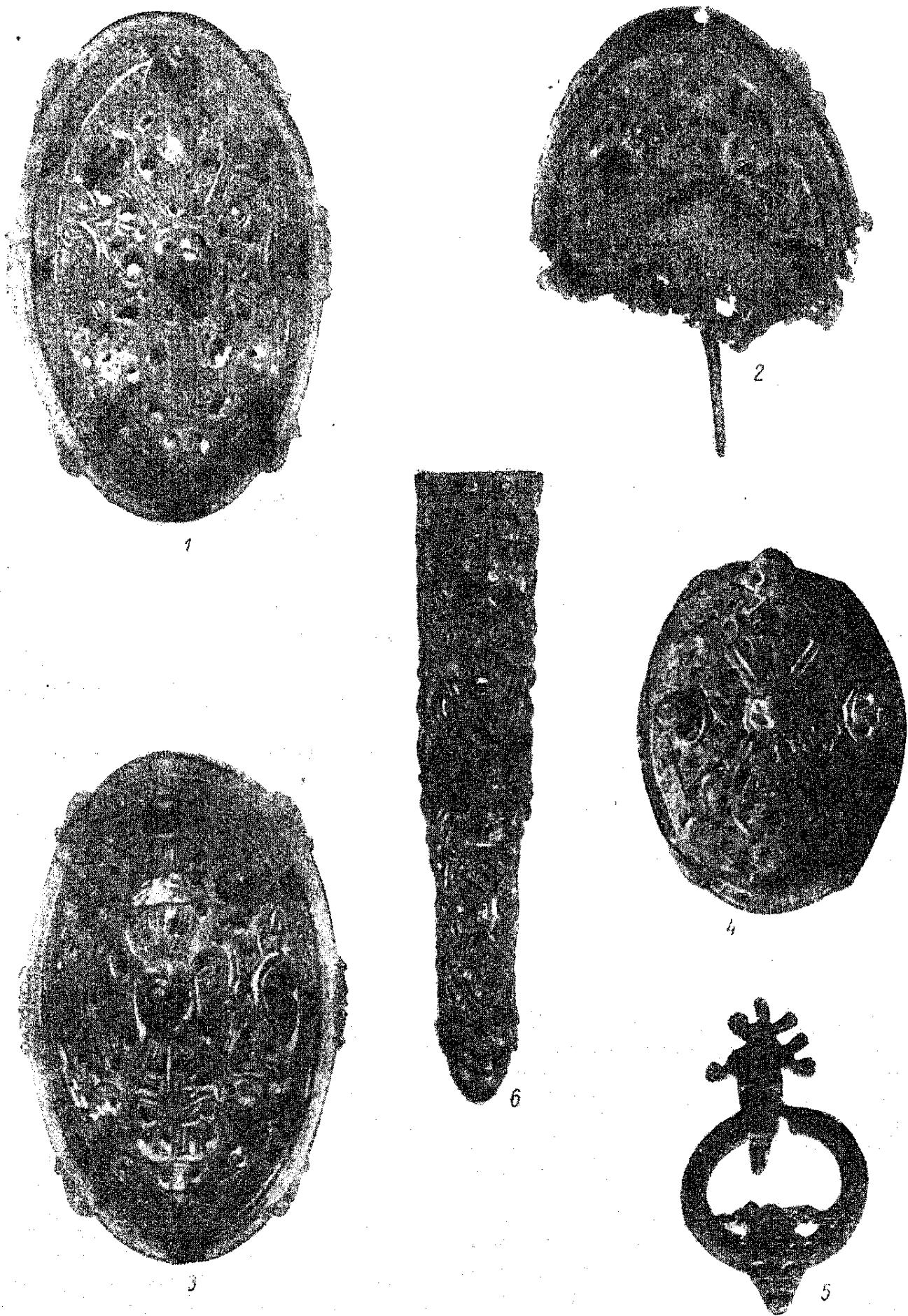
⁵ Там же, стр. 87, рис. 36.

⁶ W. Y. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, фиг. 54.

⁷ В. И. Сизов. Гнездовский могильник. Матер. по археол. России, № 28, табл. XI, 13—15.

⁸ Jan Petersen. Vikingsmykker, фиг. 132—134.

Таблица IV

Михайловский могильник. Скандинавские вещи.

1 — кург. № 18—1897 г.; 2 — кург. № 6—1938 г.; 3 — кург. № 1—1902 г.; 4 — раск. 1904 г.; 5 — кург. № 18—1897 г.; 6 — кург. № 1—1902 г.

вещи этого комплекса, например бронзовая поясная пряжка прямоугольной формы, украшенная рядами треугольников (табл. V, 12), должны быть отнесены к местным изделиям. В целом комплекс может датироваться концом IX в.

Значительно разнообразнее наборы восточных бляшек в кургане № 6—1913 г. Михайловского могильника, там было встречено несколько бляшек сердцевидной и удлиненной формы, украшенных пальметками.¹ В кургане № 18—1913 г. представлен целый набор из удлиненных и фигурных бляшек, украшенных пальметками, выполненными чернью.²

T. J. Arne отмечает, что большинство восточных бляшек, встречающихся на Михайловском могильнике, относится к разновидностям, в Швеции пока неизвестным.³ Аналогию подобным бляшкам мы находим не только в восточных областях, в Прикамье и Кировском крае, но для некоторых типов, украшенных чернью, в древностях Сев. Кавказа. Эта группа предметов датируется второй половиной IX в. и первой половиной X в. Бляшки из случайных раскопок Михайловского могильника 1910 г. и из кургана № 1—1938 г. Тимеревского могильника, отличающиеся схематизированным орнаментом, более поздние, не ранее середины X в.

О широко развитых торговых связях населения, оставившего ярославские курганы, говорят довольно часто находимые в погребениях наборы или единичные экземпляры весовых гирек и части весов. Они были встречены в нескольких курганах на Михайловском могильнике: курганы №№ 10, 20 и 44—1897 г., №№ 1, 5 и 10—1938 г. В кургане № 18—1939 г. Тимеревского могильника был встречен целый набор гирек-разновесок, наряду с бронзовыми предметами, и в кургане № 10—1939 г. чашки от весов.

VII

Переходя к обзору предметов вооружения, прежде всего остановимся на мечах, что позволяет продолжать освещение вопроса о скандинавском импорте.

На Михайловском могильнике было встречено 6 мечей, все западноевропейского типа. Наиболее ранний из них, с перекрестием и рукояткой, украшенной бронзовыми накладками с золотой насечкой,⁴ относится к типу D классификации Петерсена и датируется первой половиной IX в.⁵ (рис. 10). Комплекс вещей, из которого происходит меч, относится, однако, к несколько более позднему времени. Остальные 5 мечей из курганов №№ 10 и 18—1897 г.,

¹ См. работу T. J. Arne в «Fornvännen» 1918, фиг. 15—17.

² Там же, фиг. 18—22.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Там же, фиг. 40.

⁵ Jan Petersen. De norske Vikingsverd. Skrifter utgit av Videnskapssekskapet i Kristiania. 1919, стр. 73—74.

№№ 1 и 34—1898 г. и случайная находка 1899 г. имеют трехчастные головки и принадлежат к типам S и T классификации Петерсена, другими словами датируются серединой X в. Меч, орнаментированный серебряной инкрустацией в виде ступенчатых зубчиков с насечкой и с проволочной перетяжкой (табл. VI, 1), случайно найденный на Михайловском могильнике в 1899 г., датируется второй половиной X в. Аналогичный меч известен из Приладожья.⁶ Из этой же случайной находки происходит боевой клинок или скрамасакс с односторонним лезвием и черенком (табл. VI, 2), длиной 0,42 м, представляющий собой французский тип оружия.

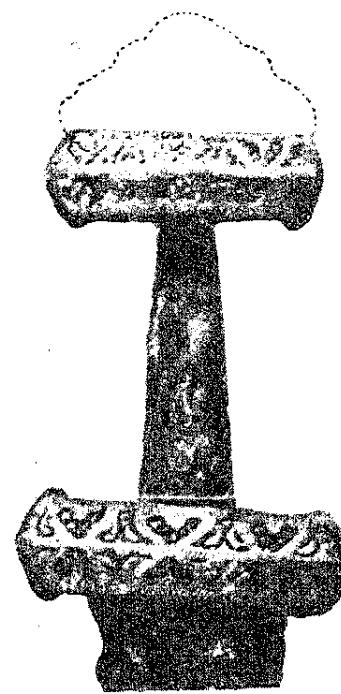

Рис. 10. Михайловский могильник. Меч первой половины IX ст.

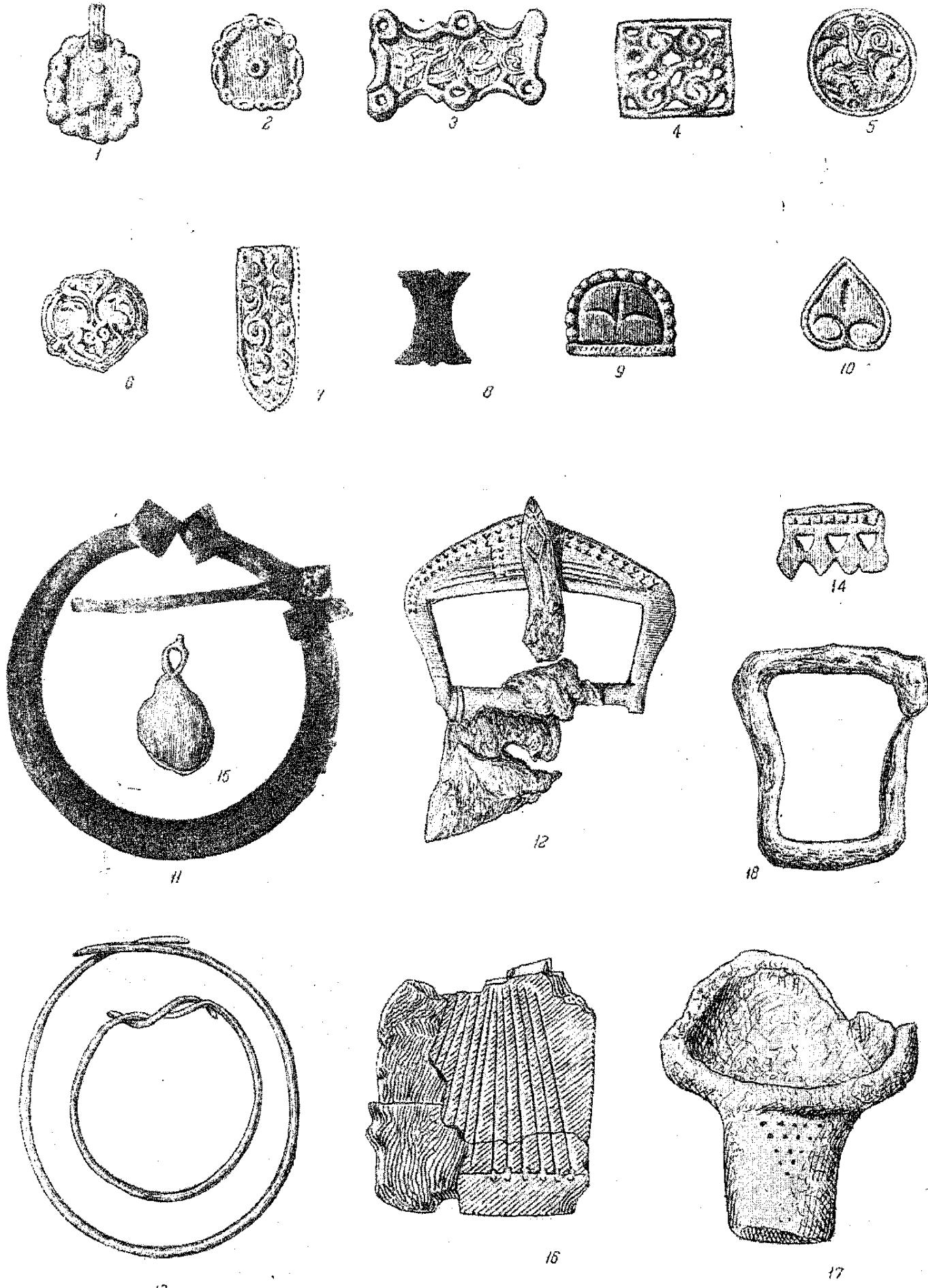
Некоторые русские исследователи, например В. А. Городцов, высказывают мысль, что часть мечей Михайловского могильника — местного происхождения, что однако маловероятно.

На Тимеревском могильнике мечи ни разу не были встречены.

Топоры представлены лишь тремя экземплярами, найденными на Михайловском могильнике. Один вытянутой формы с узким лезвием (табл. VI, 6) из раскопок 1902 г. имеет некоторую аналогию в Лядинском могильнике. Второй топор-секира с широким лезвием и гвоздевидным выступом на обухе (табл. VI, 7), происходящий из кургана № 10—1897 г., имеет аналогии в курганах Ростово-Сузdalского края и в древностях Кавказа. Третий ранний топорик с упором на втулке происходит из раскопок в 1887 г. на Тимеревском могильнике.

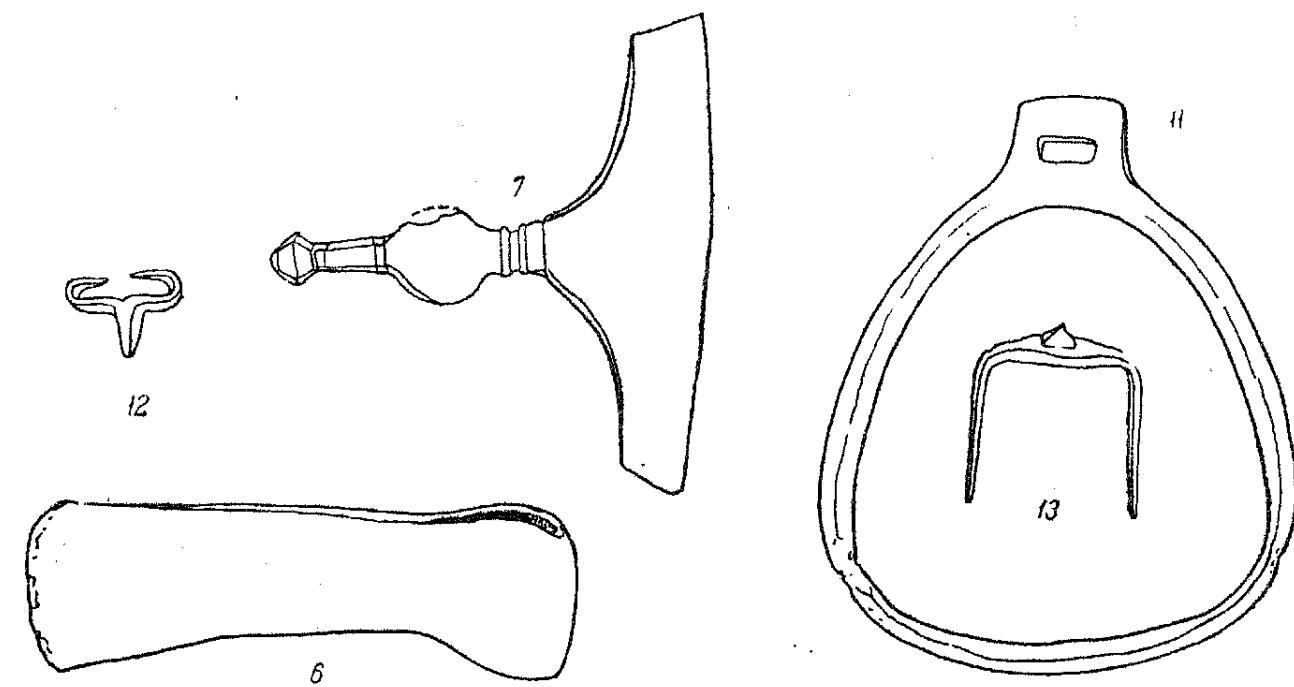
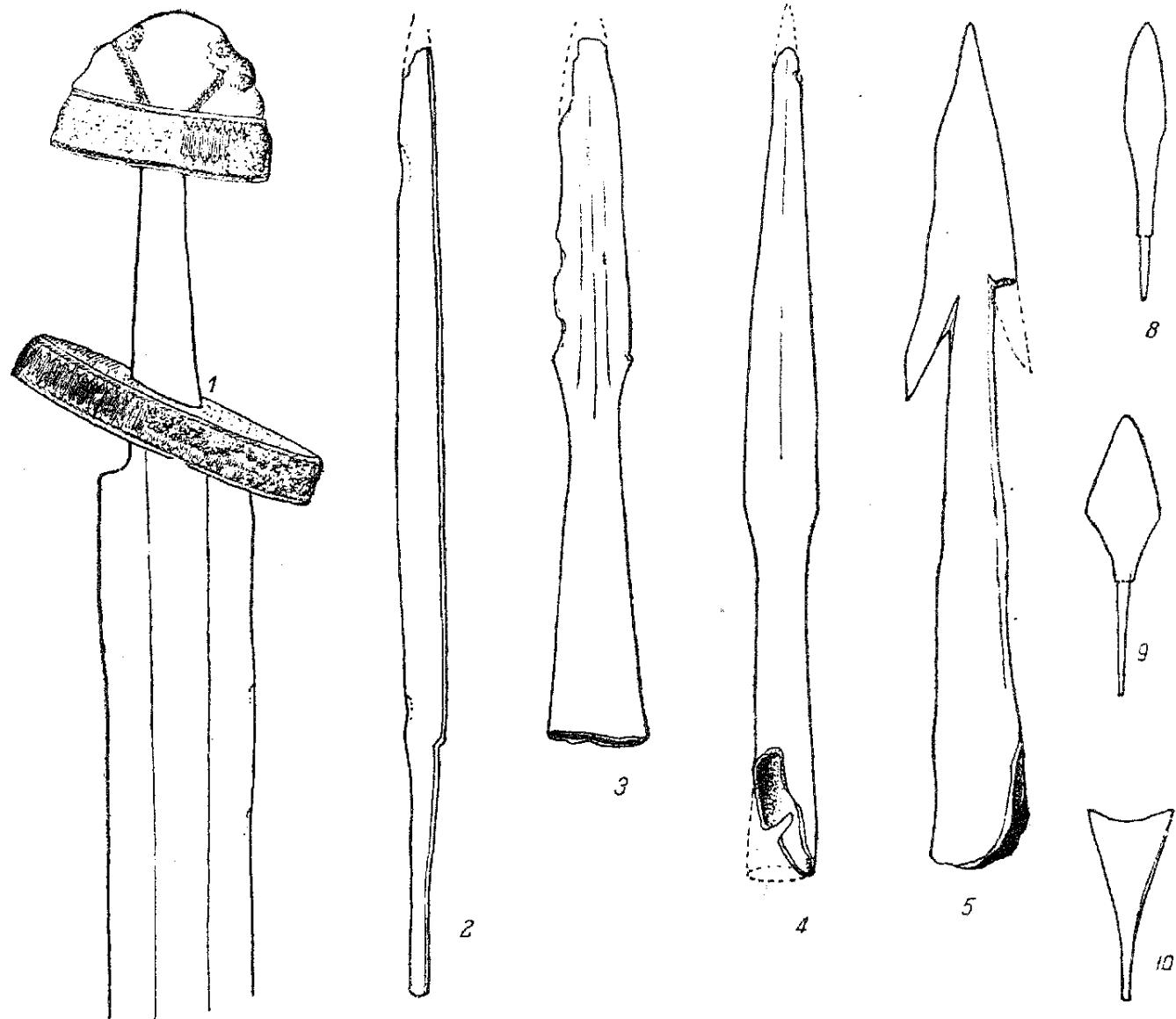
Также немногочисленны наконечники копий: один с узким ланцетовидным лезвием, с реб-

⁶ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, 18, рис. 16.

Михайловский и Тимеревский могильники. Бляшки поясного набора и другие предметы и украшения.

1-4—Михайловский мог., кург. № 1—1902 г.; 5—Михайловский мог., кург. № 18—1897 г.; 6-7—Михайловский мог., кург. № 9—1938 г.; 8—Тимеревский мог., кург. № 1—1938 г.; 9-10—Михайловский мог., раск. 1909 г.; 11—Тимеревский мог., кург. № 1—1938 г.; 12—Михайловский мог., кург. № 1—1902 г.; 13—Михайловский мог., раск.—1902 г.; 14—Михайловский мог., кург. № 50—1898 г.; 15-17—Михайловский мог., кург. № 1—1902 г.; 18—Михайловский мог., кург. № 20—1898 г.

Михайловский могильник. Предметы вооружения.

1—3 — случайная находка 1899 г.; 3 — кург. № 34—1898 г.; 4 — кург. № 44—1898 г.; 5 — кург. № 8—1898 г.; 6 — раск. 1902 г.; 7 — кург. № 10—1897 г.; 8 — кург. № 44 — 1898 г.; 9 — кург. № 2—1897 г.; 10 — кург. № 1—1902 г.; 11 — кург. № 34—1898 г.; 12 — кург. № 2—1897 г.; 13 — кург. № 7—1898 г.

ром и двумя желобками посередине и с широкой втулкой (табл. VI, 3), происходящий из кургана № 34—1898 г. Михайловского могильника, западноевропейского типа начала X в. Аналогичные экземпляры известны из Приладожья. Два остальных: с листовидным длинным лезвием из кургана № 14—1898 г. (табл. VI, 4) и с двузубым лезвием и длинной, расширенной книзу втулкой (табл. VI, 5) из кургана № 8—1898 г. Михайловского могильника несомненно представляют собой местные изделия.

Наиболее многочисленны среди предметов вооружения наконечники стрел. В основной массе они бесспорно местного изделия. Характерной формой являются наконечники с ромбической формы пером (табл. VI, 9). Аналогичные формы широко известны в курганах Ростово-Суздальского края, характерны также для Гнездовского могильника. Кроме того, имеются наконечники стрел с пером листовидной формы (табл. VI, 8), встречающиеся в Приладожье. Наконечник стрелы восточного типа с попречным вогнутым лезвием (табл. VI, 10) встречен в одном экземпляре в кургане № 1—1902 г. Михайловского могильника.

В одном кургане, № 34—1898 г., был встречен шлем, к сожалению, в совершенно разрушенном виде.

В нескольких курганах найдены прямоугольные железные, вдвое согнутые обоймы со шпеньками (Михайловский могильник № 7—1897 г., № 11—1898 г., № 1—1902 г.) Т. Й. Arne считает их оковками от края щита. Кроме того, имеется несколько фигурных обойм из кургана № 42—1898 г. Михайловского могильника.

Из предметов конской упряжи можно отметить удила обычного типа из Михайловского могильника (курган № 10—1897 г.). В кургане № 34—1938 г. этого же могильника была встречена пара стремян с широкой выгнутой дужкой в нижней части.

Чрезвычайно распространенным предметом в мужских сожжениях являются железные шипы для обуви, встреченные обычно по одному, реже по два-три экземпляра. Имеется несколько типов шипов. Крупные с прямоугольно отогнутыми боковыми хвостами (табл. VI, 13 из курганов № 7—1898 г. и № 1—1902 г. Михайловского могильника), видимо, являются наиболее ранними. Более многочисленны шипы с прямоугольно загнутыми сходящимися концами (табл. VI, 12) и малые шипы с овално согнутыми концами. Аналогичные вещи имеются в Гнездовском могильнике; единичные их экземпляры были встречены в волховских сопках. Назначение таких шипов остается неясным; несомненно лишь то, что они прикреплялись к обуви. Об этом говорит местоположение шипов в могилах на Бьорко.¹ И. А. Тихомиров счи-

тал их шпорами. Т. Й. Arne объяснял их как шипы для хождения по льду; наиболее вероятно объяснение их в качестве древолазных шипов — принадлежностей бортничества.

Наконец, характерными находками в наших курганах являются железные, круглые в сечении трубочки-обоймицы с ушком. Они были встречены в ряде курганов Михайловского могильника (напр. №№ 2 и 5—1938 г.). Аналогичные находки известны в ранних памятниках на Сарском и Гнездовском могильниках, в длинных смоленских курганах и других синхроничных памятниках. А. А. Спицын их обозначал как «обоймицы в виде лоточка с ушком»,² назначение которых неизвестно.

В инвентаре мужских сожжений обычны точильные бруски прямоугольные в сечении с прошерленным отверстием, иногда с колечком для подвешивания (курган № 20—1897 г. Михайловского могильника). Распространены также грубо отделанные точильные бруски, длиной 0,20 м и более (курган № 7—1898 г. Михайловского могильника и др.).

Из других железных предметов можно отметить ножницы для стрижки овец, состоящие из двух лезвий, соединенных полукруглой дужкой (№ 27—1898 г. и № 10—1938 г. Михайловского могильника); подвесной замок приладожского типа из кургана № 1—1938 г. на Тимеревском могильнике; ключ в виде стержня с двумя бороздками из кургана № 27—1898 г. на Михайловском могильнике.

VIII

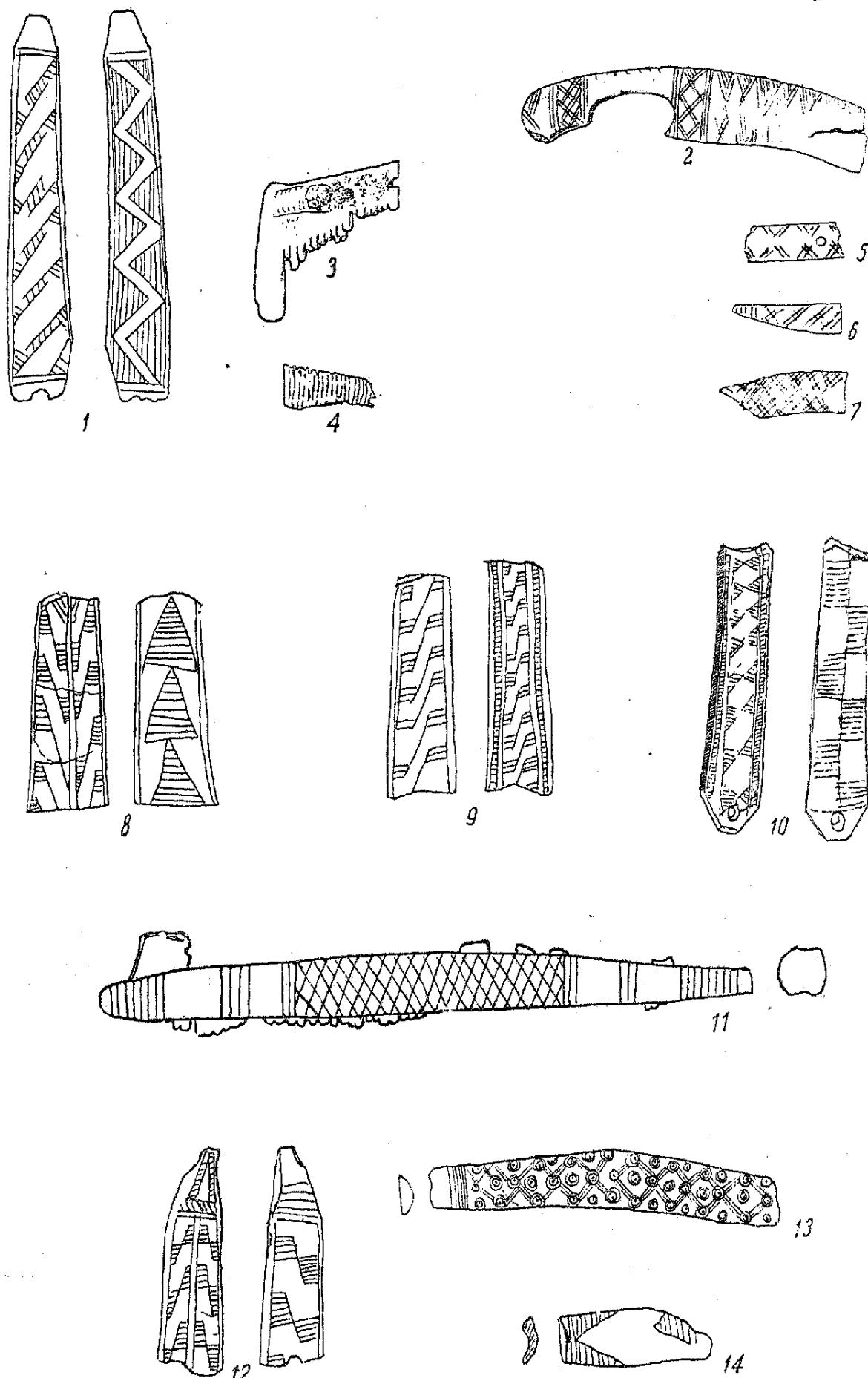
Другие находки, происходящие из ярославских курганов, не менее интересны.

Большое распространение в быту оставившего их населения имели, повидимому, костяные вещи, очень пострадавшие от огня во время сожжения умерших. Здесь имеются части складных костяных гребней, украшенных кружковым и линейным орнаментом (табл. VII, 2—7, 11, 13—14). Обычны костяные удлиненные пластинки с двусторонним плетеным или геометрическим орнаментом из заштрихованных треугольников, трапеций и т. п. (табл. VII, 1, 8—10, 12). Один конец их несколько заострен, другой снабжен отверстием. Возможно, что они представляют собой подвески-уховертки с обломанными или обгоревшими ложечками. Аналогичные изделия были встречены на Сарском городище.²

На Михайловском могильнике были найдены два лялечка (курган № 6—1938 г. и № 1—1902 г.): первый гладкий, второй с дырочками, расположенными треугольником у основания рукоятки (табл. V, 17). В этом же погребении встречены обломки литейной формочки для из-

¹ А. А. Спицын. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. ЖМНП, ч. CCCXXIV, 1899, стр. 312.

² Д. Эдинг. Сарское городище. Ростовский Гос. музей, 1928, табл. VI, 1—5.

Михайловский и Тимеревский могильники. Костяные изделия.

1, 3 — Михайловский мог., кург. № 6—1938 г.; 2, 4—7 — Михайловский мог., кург., № 5—1938 г.; 8 — Михайловский мог., кург. № 44—1898 г.; 9 — Михайловский мог., кург. № 7—1897 г.; 10 — Тимеревский мог., кург. № 3—1938 г.; 11 — Михайловский мог., кург. № 8—1898 г.; 12 — Михайловский мог., кург. № 2—1897 г.; 13 — Михайловский мог., кург. № 1—1898 г.; 14 — кург. № 11—1898 г.

готовления какого-то украшения (табл. V, 16). Аналогичная литейная формочка, сделанная из глины, известна среди материалов Сарского могильника. Лялечки подобных форм неоднократно были находмы С. А. Уваровым и С. П. Савельевым.¹ Если учесть, что находки подобного рода представляют большую редкость в могильных памятниках, то их находки в курганах Ростово-Сузdalского края говорят о большом значении этих предметов для местного населения. Литые бронзовых украшений являлось, повидимому, широко распространенным занятием.

Довольно распространенным украшением женского костюма являлись бронзовые бубенчики. Округлые уплощенные бубенчики салтовского типа с продольным прорезом встречены в трех экземплярах в кургане № 1—1902 г. Михайловского могильника (табл. V, 15). Иного типа окружный крупный бубенчик с крестовидным прорезом и орнаментированный штрихами происходит из раскопок 1902 г. там же. В кургане № 50 из раскопок 1898 г. на Михайловском могильнике происходят две чечевицеобразные пуговки с ушком. Немногочисленны перстни. В упомянутом кургане № 1—1902 г. встречен пластинчатый перстень с усиками, орнаментированный пунктиром из ромбов.

К женским же украшениям необходимо отнести височные кольца, наиболее характерные для поздних погребений. Однако в одном раннем комплексе Михайловского могильника, среди материалов из раскопок 1902 г., имеется пять крупных височных колец с заходящими концами, архаического новгородского или смоленского типов, надетые на шестое кольцо с завязанными концами (табл. V, 13).

Все описанные формы украшений характерны для славянской культуры этого времени.

Наконец, нельзя обойти молчанием ожерелья из бус, характерные для женского убора. В наших памятниках встречены ожерелья из массивных цилиндрических гранчатых, круглых и многогранных бус из сердолика и горного хрусталя (курган № 18—1898 г., № 2—1902 г. Михайловского могильника, № 7—1939 г. Тимеревского могильника). Имеются также бусы стеклянные, синие и желтые, и пронизки, часто расплавленные от действия огня (№ 18—1898 г. № 6—1938 г. Михайловского могильника).

В большом числе встречены при раскопках мелкие изделия из железа, главным образом поясные пряжки и обоймицы. Все они очень плохо сохранились и представлены обычными типами. Интерес представляют лишь прямоугольные, как бы сдавленные с боков пряжки, известные по материалам, происходящим из сопок и длинных курганов, их время VIII—нач. IX столетия (табл. V, 18).

Наконец, среди скоплений жженых человеческих костей постоянно встречаются пережженные

кости животных и птиц — остатки пищи, сопровождавшей умершего. Среди материалов раскопок 1938 г. кости животных отсутствовали лишь в одном сожжении (кург. № 16). Среди костей животных были определены остатки быка домашнего (*Bos taurus*), лошади (*Equus caballus*), свиньи (*Sus scrofa domestica*), овцы (*Ovis aries*), собаки (*Canis familiaris*), лося (*Alces alces*), лисицы (*Vulpes vulpes*), бобра (*Castor fiber*) и зайца (*Lepus europaeus*). Кроме того, встречены кости птиц.

Вместе с умершим сжигалась обычно лишь часть животного. Так, например, встречены лишь копытные фаланги и зубы быка; лошадь представлена костями запястья. Довольно часто в сожжениях встречены астрагалы бобра с просверленными отверстиями, представлявшие, видимо, подвески (№№ 18 и 39—1898 г.; № 1—1938 г. Михайловского могильника). Кроме жженых костей животных, на Тимеревском могильнике в насыпи наиболее древних сопковидных курганов, в первой серой прослойке были встречены: череп лошади (№ 14—1939 г.) и челюсть домашнего быка (№ 16—1939 г.), представляющие остатки тризны, совершенной на кургане уже после его сооружения.

В Михайловском могильнике в кургане № 18—1897 г. встречен крупный сосуд, наполненный жжеными костями животных.

В двух случаях И. А. Тихомиров отмечает встреченные в сожжениях Михайловского могильника обугленную ореховую скорлупу (№ 18—1897 г.) и скорлупу кедрового ореха (№ 7—1897 г.), что представляет большой интерес.

IX

Кратко подведем итоги рассмотренному материалу и сформулируем основные выводы.

Наиболее ранние курганы с трупосожжением Михайловского и Тимеревского могильников относятся к VIII ст., вероятно ко второй его половине. Среди них особенный интерес представляют большие курганы, расположенные в древнейшей центральной части могильников, заключающие в себе остатки многих трупосожжений. Насыпи некоторых курганов возведены в два приема; внутри насыпей сохраняются остатки деревянных сооружений, вероятно «домовищ», и каменная кладка. Ближайшими аналогиями этим курганам являются древние славянские погребальные памятники Новгородской земли — так называемые сопки. Ни мерянских, ни скандинавских вещей в этих курганах встречено не было. С известными сейчас мерянскими рядовыми могильниками древнейшие курганы Ярославского Поволжья с трупосожжением не имеют ничего общего. Очевидно, они оставлены пришлым в Ярославское Поволжье славянским населением.

Этому выводу не противоречат и сделанные в курганах находки. Если глиняные изображения медвежьих лап и сопутствующие им кольца

¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. Изв. Археол. ком., вып. 15, 1905, стр. 135, рис. 94.

представляют собой еще не вполне разгаданный элемент погребального обряда, то все же несомненно, что это отнюдь не местная мерянская особенность культа. Вполне определенные выводы позволяет сделать керамика, славянский характер основной массы которой не вызывает сомнений. Более того, как и облик курганов, керамика ведет нас на северо-запад в Белозерье и Новгородскую землю, указывая, что именно оттуда пришло в Ярославское Поволжье первое славянское население.

Среди курганов более поздних, относящихся к IX—X ст., представляется возможным выделить группу с однородным бедным инвентарем, с теми же глиняными лапами и кольцами, сосудами, среди которых еще переживают древние формы, и немногочисленными орудиями и предметами украшения. Эта группа насчитывает большое количество курганов. Вторую группу составят курганы с более разнообразным инвентарем, среди которого, наряду с местными изделиями, встречаются привозные предметы и украшения средневьетского и восточного стилей. Однако здесь имеются и глиняные лапы.

Несомненно, что в этих двух, в основном одновременных, группах погребений отражаются различия социального порядка, т. е. находит свое выражение процесс распада родового общества и выделения наиболее обеспеченного слоя населения.

Интересно, что вещи восточного происхождения, в частности монеты, проникли в Ярославское Поволжье раньше, чем изделия скандинавского типа. Торговые связи с Востоком предшествовали торговле с Западом. Быть может этим и объясняется оригинальность стиля представленных на Михайловском могильнике восточных украшений.

В отношении скандинавских предметов следует еще отметить постоянное сочетание их с типично-местными изделиями, т. е. с описанными магическими изображениями, мерянскими украшениями и т. п. Огромные размеры могильников Михайловского и Тимеревского, их удаленность от реки, наконец, состав могильного инвентаря — все это свидетельствует о том, что памятники принадлежат не населению торговых факторий, а рядовому земледельческому населению. Отдельные погребения ремесленников, купцов и воинов нисколько не противоречат этому выводу. Возможно, что среди богатых погребений, особенно Михайловского могильника, имеются отдельные погребения скандинавов. Однако ни одного бесспорно скандинавского погребения, какие имеются, скажем, в Гнездове около Смоленска, среди материалов обоих ярославских могильников указать нельзя.

Очень любопытно, что мерянские украшения были сосредоточены лишь в единичных курганах, причем нередко в очень большом числе — целыми наборами. Очевидно, здесь имеет отражение факт некоторого смешения славянского и мерянского населения, а именно наличие отдель-

ных женщин-мерянок у пришельцев-славян. Судя по материалам А. С. Уварова и С. П. Савельева, в центре мерянской земли, на оз. Плещеевом и у оз. Неро, мерянские вещи в курганах IX—X ст. представлены значительно богаче, чем в Ярославском Поволжье. Помимо женских мерянских погребений, там имеются и мужские. В курганах XI—XII ст. мерянская окраска инвентаря выявляется еще ярче. Особенno интересны в этом отношении костромские курганы, в инвентаре которых славянские и мерянские или чудские вещи занимают одинаковое место, будучи уже теснейшим образом связанными друг с другом.

Славянский характер Михайловского и Тимеревского могильников прекрасно подтверждается материалами более поздних курганов, относящихся уже к XI ст. и содержащих трупоположения.

Группа курганов этого времени сосредоточена в западной части Михайловского могильника. Она представлена 29 раскопанными курганами (№№ 5, 13, 14, 17—1897 г.; №№ 2, 14, 25, 33, 36, 37 — 1898 г.; №№ 1—5, 11—12, 15—16, 1913 г., №№ 11, 12, 13, 18 — 1938 г.; №№ 20, 21, 23, 24—1939 г.). По внешним признакам курганы мало отличаются от более ранних, только в ряде случаев они имеют более расплющатую форму и меньшие размеры.

Трупоположения располагаются на материке, ориентированы головой на запад в нескольких случаях с отклонением к северу, иногда на юго-запад.

Во многих случаях под насыпью курганов на материке прослеживается слой жженых колотых камней, золы, скопление черепков и встречаются отдельные вещи. И. А. Тихомиров, обратив внимание на этот зольный слой, пытался объяснить его происхождение лесными пожарами, в то время как В. А. Городцов считал, что слой имеет естественное происхождение. Т. J. Arne неправильно принял это явление за следы своеобразного обряда обжигания слоя почвы до сооружения насыпи. Исследованиями последних лет удалось установить, что западная, более поздняя часть могильника заходит на край ранее здесь существовавшего селища. Зольная прослойка представляет собой культурный слой.

Инвентарь погребений довольно однороден. Встречены лировидные пряжки, малые и большие височные кольца с заходящими, реже с завязанными концами, серьги с напущенными бусами, подвески, бусы и т. п. В отдельных случаях имеются сосуды (№ 18—1938 г.). Мужские kostяки обычно не имеют инвентаря и лишь иногда сопровождаются ножами или другими железными поделками. Мерянские вещи, разного рода «шумящие» украшения среди инвентаря этих погребений не представлены.

В нескольких случаях прослежены остатки гробниц (№№ 12, 13—1938 г.) как в виде частей истлевших плах, так и скреплявших их гвоздей. В одном кургане открыто погребение в могиль-

ной яме. В IX ст. данный могильник перестает функционировать.

Поздние курганы Михайловского могильника по своему обряду и по инвентарю связываются с небольшим курганным могильником, расположенным в 2.5 км к югу от с. Михайловского, за линией железной дороги, в месте слияния Сухого ручья с его притоком. В настоящее время этот памятник полностью разрушен.

Курганы XI ст. в Тимеревском могильнике, расположенные по окраине, менее исследованы.

Инвентарь их аналогичен курганам Михайловского могильника. В одном из погребений начала XI ст. встречены два сосуда и чашки от складных весов. К этому же времени относится курганская группа, расположенная по соседству между д. Гончарово и М. Тимерево. По обряду погребения и инвентарю курганы XI ст. Михайловского и Тимеревского могильников ничем не выделяются среди многих сотен синхроничных им славянских курганных кладбищ Верхнего Поволжья.

Приложение I

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА РАСКОПОК НА НИКАХ ЯРОСЛАВСКОЙ

МИХАЙЛОВСКОМ И ТИМЕРЕВСКОМ МОГИЛЬНОМ ОБЛАСТИ В 1938 г.

Все курганные насыпи раскапывались полностью, по секторам, отделенным друг от друга двумя перекрещающимися в центре стенками, ориентированными по странам света и служившими для изучения строения насыпи. Ширина стенок колебалась от 0.40 до 1.20 м в зависимости от размеров кургана и характера грунта. При вскрытии погребения стена сносилась по мере необходимости. Высота кургана измерялась от уровня погребенной почвы до вершины. В дальнейшем описание уровня погребенной почвы обозначается цифрой «0».

Михайловский могильник

Курган № 1 расположен в восточной части могильника, круглой формы, чуть вытянутой с С на Ю. Диаметр основания с С на Ю 10 м, с З на В 9 м, выс. 0.90 м. Состав насыпи — желтый суглинок с прослойками красной глины. Комплекс I. На 0—0.20 м к СЗ от центра расположено костище, вытянутое в северном направлении, разм. 3.00 × 1.60 м, состоящее из округлых и частично плоских продольных обугленных плах и более коротких поперечных (рис. 3; стр. 63). На костище разбросаны небольшие обломки кальцинированных костей взрослого и ребенка (5—7 л.) и черепки от горшка ручной лепки: в центре костра встречен железный предмет кубической формы (весовая гирька) диам. 0.05 м. Комплекс II. Под центром костища открыта ямка конической формы, вырытая в материке, диам. 0.30 м и глуб. 0.15 м; в ней скопление кальцинированных костей взрослого человека, костей животных (бобра, зайца) и костей птицы, черепки от горшка ручной лепки, фрагменты костяного гребня и стщей кремня.

Курган № 2. Рядом с предыдущим, к З от него, расплывчатой формы. Диам. 7 м, выс. 0.50 м. Состав насыпи — суглинок с прослойками красной глины. Комплекс I. На 0 у центра в северо-западном секторе был встречен слой человеческих кальцинированных костей. Диаметр слоя до 1 м, толщ. 0.15 м, наиболее мощный в северо-западной части. Среди них кости быка и птицы; в 0.80 м к ССЗ от центра встречены: прямоугольная пряжка, узкий нож с длинным черенком, железная трубочка и ромбический наконечник стрелы.

Курган № 3. В восточной части могильника, несколько южнее предыдущего, полушироковидной формы с несколько расплывчатым основанием, северная часть насыпи круче, чем южная (рис. 2; стр. 62). Диам. 9 м, выс. 0.90 м. Насыпь — светло-желтый суглинок с прослойками глины. Комплекс I. На 0 у центра, в северо-западном секторе, обнаружены остатки сожжения в виде черной прослойки овальных очертаний в плане, поперечником 2 м и толщ. 0.20 м, состоящей из перегнивших органических веществ, вкрапления угля, частей обугленных плах и кальцинированных костей.

В слое встречены фрагменты двух раздавленных сосудов: маленького с защипом по венчику и более крупного с отогнутым венчиком, слепленных от руки; в западной части прослойки лежали медвежья лапа, слепленная из глины, 2 обломка железной удлиненной оковки со шпеньками. У восточного края под черепками встречены фрагменты глиняного кольца и отщеп кремня. Комплекс II. Под серединой прослойки обнаружена ямка конусовидной формы, вырытая в материке, диам. 0.45 м и глуб. 0.20 м, заполненная кальцинированными костями и угольками. Среди них фрагменты сосуда ручной лепки и неопределенная железная поделка.

Курган № 4. Рядом с предыдущим, плоская расплывчатая насыпь, вытянутая с С на Ю. Диам. с С на Ю 7.20 м, с З на В 10 м, выс. 0.60 м. Насыпь — суглинок с прослойками глины. В насыпи под дерном встречены гвоздь, железный предмет в виде массивной петли и черепок от сосуда, сделанного на гончарном круге. Комплекс I. К В в 0.50 м от центра на 0 темный слой с включениями угольков и кальцинированных костей диам. до 1.40 м; у юго-западного края слоя шли параллельно вытянутые с СЗ на ЮВ обугленные плахи. Комплекс II. У северо-восточного края плах встречена ямка конусовидной формы, вырытая в материке диам. 0.30 м и глуб. 0.25 м, сплошь заполненная полуобожженными костями взрослого человека, среди них кости мелкого животного и железная скобка. Сожжение производилось повидимому на месте.

Курган № 5. Круглая насыпь в южной части могильника. Диам. 8.5 м, выс. 0.65 м. Комплекс I. В центре насыпи на глуб. 0.25 м от вершины встречено значительное скопление колотых обожженных камней, диам. до 0.40 м, сходящее ниже на нет, под ними единичные кальцинированные кости, попадавшиеся вплоть до 0. Комплекс II. У центра в северо-западном секторе на 0 открыт костище, вытянутое с ЮЗ на СВ, дл. до 2 м и шир. 1.5 м, состоящее из продольно положенных обгорелых плах и более коротких поперечных — наиболее сохранившихся в юго-западной части. На костище, на всем его протяжении, залегает значительное число человеческих кальцинированных костей, главным образом ближе к северо-западному краю. Среди них кости лошади и собаки, железная обойница, круглая весовая гирька, растрескавшаяся от действия огня, и фрагменты обожженного костяного орнаментированного предмета (гребня, табл. VII, 2, 4—7; стр. 81). Между ними расположены фрагменты сосуда ручной лепки, баночной формы, из глины с примесью зерен кварца, хорошего обжига. Комплекс представляет собой наиболее ясно выраженный случай полного сожжения на месте.

Курган № 6. Расположен юго-западнее предыдущего: круглая овальной формы насыпь. Диам. с С на Ю — 7 м, с З на В — 8.50 м, выс. 0.60 м. Насыпь — супесь с прослойками глины. Под дерном в северо-

восточном секторе найдены крупная трубчатая кость и 3 черепка глиняного сосуда. В 0.70 м. к В от центра на глуб. 0.40 м в насыпи встречен глиняный лячок; около него единичные кальцинированные кости, ниже — прослойка глины. В 0.35 м к С от центра на глуб. 0.50 м от поверхности насыпи круглая ажурная бляха с ушком на обратной стороне (табл. III, 1, стр. 74). Оба предмета, повидимому, относятся к комплексу I-a. Комплекс I. У центра, на глуб. 0.50 м от вершины, расположено сожжение в виде скопления кальцинированных костей диам. до 2 м, толщ. до 0.20 м и частей обугленных плах — остатков костища. Комплекс I-a. В 0.80 м к СВВ от центра открыта конусовидной формы ямка, вырытая в материке, диам. 0.40 м и глуб. 0.20 м; вдоль ее юго-восточного края лежали фрагменты поставленного в ямку раздавленного сосуда баночной формы, ручной лепки, светлорозовой глины с примесями зерен кварца, хорошего обжига. Ямка была сплошь заполнена слабо обожженными костями молодой женщины и костями быка, свиньи и лося, а сверху в сосуде лежали 2 бронзовые скорлупообразные фибулы (табл. IV, 2, стр. 76), частично расплавленные, с железными иглами, фрагменты складного костяного гребня (табл. VII, 2—3, стр. 81), костяная орнаментированная уховертка (табл. VII, 7, стр. 81), обожженные стеклянные бусы, круглые, ординарные и двойные, белого и синего цвета, и сплав от бус, трубочка-игольник из птичьей кости; у юго-западного края ямки находилась миниатюрная удлиненной формы точилка (подвеска?) из черного сланца с отверстием. В 0.26 м к З от ямки у плахи встречена фрагментированная медвежья лапа из глины красного цвета (табл. I, 2, стр. 67).

Курган № 7. Расположен у юго-восточного края могильника на В от предыдущего; насыпь округлая, диам. 7 м, выс. 0.60 м. Насыпь — красный суглинок со значительными прослойками глины. Комплекс I. В 0.75 м к СЗ от центра встречено незначительное скопление кальцинированных костей собаки и обломков двух маленьких раздавленных сосудов, один с широким прямым венчиком и чуть моделюрованными плечиками и второй подобный же с насечкой по краю венчика (табл. II, 1, стр. 72). В центре скопления фрагменты глиняного кольца; в южном его конце небольшая фрагментированная медвежья лапа из глины; на З от нее донная часть раздавленного крупного толстостенного сосуда баночной формы. Восточнее скопления встречены обугленные плахи, вытянутые с ЮЗ на СВ. В основании скопления лежал мощный слой красной обожженной глины. Комплекс II. В расстоянии 1 м к ЮВВ от центра на 0 находилось скопление обугленных плах диам. до 0.70 м, состоящее из широких плах, вытянутых с СЗ на ЮВ, и более узких попечных. В юго-восточной стороне на обгорелых плахах сохранилась часть обгорелого деревянного предмета (ларчика?) с листовидными железными оковками с двух сторон. У юго-западного края костища встречены 2 гвоздя, фрагмент фигурной оковки и обломок лезвия топорика (?). Между плахами находилось небольшое количество кальцинированных костей. В юго-восточной части костища сохранился угол деревянного необгорелого сооружения, рубленого в чашу (?). Можно предполагать, что скопление обгорелых плах и необожженная часть представляли некогда одно целое, а именно сруб, первоначальную форму которого невозможно восстановить в виду плохой сохранности.

Курган № 8. Плоская насыпь в северо-восточной части могильника. Диам. 6.50 м, выс. 0.40 м. Насыпь — супесь серого цвета с включениями колотых камней. На 0 незначительная зольная прослойка. Комплекс I. В 1.26 м к ЮЗ от центра на 0 незначительное скопление черепков. Комплекс II. В 1.50 м к ЮЮВ от центра на 0 часть обгорелой плахи и около нее несколько кальцинированных косточек.

Курган № 9. Округлая, расплывчатая насыпь в юго-западной части могильника на СЗ от кургана № 6. Диам. 5.0 м, выс. 0.50 м. Насыпь — супесь красного цвета, В 1.60 м к ЮЮЗ от центра под дерном найден железный нож с обоймой у черенка и черепок. Комплекс I. У центра и несколько к ЮВ от него на 0 встретились части обгорелых плах и между ними

незначительное скопление кальцинированных костей. На одной из плах лежал бронзовый наконечник пояса с растительным орнаментом (табл. V, 7, стр. 78). От центра в северо-западном направлении шли наклонные под углом в 30° плахи, их северо-западный конец находился на 0.35 м ниже 0 в прослойке красной материковой глины. Обгорелые плахи составляли скопление до 1 м и шир. 0.50 м. У восточного их края лежали вытянутые в одну линию сердцевидные поясные бляшки с восточным орнаментом (табл. V, 6, стр. 78) и железный нож в двух обломках. У центра скрепления найден обломок бронзовой спиральки, в 1.20 м к Ю от центра скопления на 0 был найден второй железный нож. Костище здесь было расположено в яме с наклонным дном.

Курган № 10. Крувая овально-вытянутая насыпь в юго-восточной части могильника. Диам. с С на Ю — 5.60 м, с З на В — 5.20 м, выс. 0.50 м. Насыпь — желтый суглинок. Комплекс I. Сразу же под дерном в 0.30 м к ЗСЗ от центра на глуб. 0.35 м от вершины лежали железные ножницы, несколько севернее их — калачевидное кресало и между ними единичные кальцинированные косточки. Комплекс II. Под центром насыпи в северо-западном секторе встречено сожжение в виде темного овального, вытянутого с ЮЗ на СВ скопления до 1.35 м в поперечнике, содержащего кальцинированные кости человека. Среди них кости лисицы и птиц, угольки и в центре скопления раздавленный сосуд красной глины, тонкостенный, хорошего обжига, с чуть отогнутым венчиком, покрытым насечкой по краю, частично ошлакованный. В 0.36 м к С от сосуда лежали рядом круглая весовая гирька со следами бронзы и железный шпенек, согнутый на концах. В 1.20 м к З от центра скопления находилась часть обгорелой плахи, вытянутой с З на В, около 0.40 м длиной. На СВ от нее лежали фрагменты сосуда красной глины хорошего обжига с чуть отогнутым венчиком (рис. 7, стр. 71). Сосуд был украшен орнаментом из отпечатков веревочки. В 0.80 м к С от плахи находилась часть второй такой же плахи.

Курган № 11. Округлая насыпь, расположенная в западной части могильника. Диам. 0.5 м, выс. 0.40 м. Насыпь — супесь, окрашенная в серый цвет примесью гумуса, с прослойками глины.

В центре кургана на 0 лежал костяк мужчины средних лет, ориентированный головой на З с отклонением в 30° к С. Сохранность плохая. Руки положены вдоль туловища, нижняя челюсть отвалилась вниз. Сохранились плечевые кости, часть ребер, позвонков и бедренные кости. Под тазом лежал железный нож, у левого плеча — железный стержень со свернутым концом.

Курган № 12. Крувая вытянутая насыпь в западной части могильника, севернее предыдущей. Диам. с С на Ю 6.50 м, с З на В 5.40 м. Насыпь — супесь, окрашенная в серо-черный цвет. В 1 м к В от центра на глуб. 0.25 м от поверхности насыпи встречен костяк поросенка, без черепа. У центра на 0 костяк женщины (40—50 л.), средней сохранности, головой на З с отклонением около 30° к С; челюсть спустилась вниз, руки на лобке. Часть позвонков, левая лучевая и локтевая кости и фаланги ног не сохранились. У черепа, по бокам от него и несколько выше, находились 2 железных крюка, слева у черепа — спиральное бронзовое проволочное колечко. В 0.58 м к В от ног скелета лежал железный предмет в виде стержня с расширенным концом. Справа от черепа скелета на расстоянии 0.50 м лежала обгорелая плаха, представляющая собой, повидимому, остаток гробовища. Слой погребенной почвы, на котором было совершено захоронение, отличался черным цветом и значительным содержанием колотых, частично обожженных камней. В 0.35 м на С от левой берцовой кости скелета лежала трубчатая кость животного.

Курган № 13. Круглая насыпь в западной части могильника, рядом с предыдущей. Диам. 7 м; выс. 0.50 м. Насыпь — супесь, в нижней части окрашенная в черный цвет примесью гумуса. У центра на 0 обнаружен костяк женщины средних лет, ориентированный головой на З, с отклонением в 20° к С. Сохранность

средняя; левая локтевая и лучевая кости и фаланги ног не сохранились. Скелет лежал на боку, лицом на ЮЮЗ, нижняя челюсть находилась в перевернутом положении, левая рука на лобке. У правой ключицы встречено серебряное височное проволочное колечко с заходящими концами. К С в 0.30 м от черепа лежал железный плоский стерженек, в 0.45 м к ЮВ от правой руки — железный крючок, а в 0.20 м к ЮЮЗ от правой руки — остаток перегнившей вертикальной плашки дл. 0.21 м. Последняя, так же как и крючки, встреченные в нескольких местах, представляет собой остатки истлевшего гробовища. Под погребением шел мощный черный слой с жженными камнями и черепками. В ногах скелета в темном слое найден фрагмент плоского глиняного прясла, украшенного ямками.

Курган № 14. Плоская округлая насыпь в юго-западной части могильника. Диам. 0.4 м, выс. 0.70 м. Насыпь — рыхлый желтый песок с прослойками красной глины. В подошве насыпи встречены 2 черепка. Погребение не обнаружено.

Курган № 15. Полушаровидная насыпь в северо-западной части могильника. Диам. 8 м, выс. 1.50 м. У центра в южном секторе кургана встречены кальцинированные кости с вкраплениями угольков, лежащие на площади диам. до 1.50 м слоем толщ. до 0.20 м. В 1.30 м к Ю от центра насыпи сосредоточивалось наиболее мощное скопление человеческих костей и костей свиньи, там же находились фрагменты раздавленных сосудов, частично ошлакованных от действия огня, железная округлая пряжка и в 0.12 м на В серебряное проволочное колечко с завязанными концами. В 0.60 м к ЮЗ от раздавленного сосуда продолжалось скопление кальцинированных костей, среди них лежали фрагменты второго раздавленного сосуда, части глиняного обожженного кольца и фрагмент пятонной части глиняной медвежьей лапы.

Курган № 16. Невысокая насыпь удлиненно-ovalной формы в восточной части могильника, на С от кургана № 1. Диам. с С на Ю — 8 м, с З на В — 5 м, выс. 0.60 м. Насыпь — суглинок с прослойками красной глины. Комплекс I. В 0.20 м к ЮЗ от центра на глуб. 0.15 м от поверхности насыпи встречено скопление кальцинированных костей, диам. 0.15 м и толщ. 0.10 м. Среди них лежал железный нож с утолщенной спинкой. Ниже до глуб. 0.60 м попадались единичные кальцинированные косточки, черепки и куски обожженной глины. Комплекс II. В 0.50 м от центра на 0 встречен раздавленный сосуд красной глины с прямым венчиком, вогнутым внутрь, и округлыми плечиками (табл. II, 2). Около него следы обгорелой плахи и фрагмент сильно обожженной медвежьей глиняной лапы; между ними незначительное число кальцинированных косточек. Комплекс III в 1.80 м к С от центра на 0 обнаружено скопление черепков, в северо-западной поле кургана у основания шел слой красной обожженной глины.

Курган № 17. Холмообразное удлиненной формы возвышение, примыкающее к северо-западному краю кургана № 16, вытянутое с З на В. Диам. с С на Ю — 5.50 м, с З на В — 6 м, выс. 0.70 м. Раскопки были предприняты с целью проследить, не идет ли под эту насыпь слой обожженной глины. Холм оказался естественным возвышением.

Курган № 18. Полушаровидная насыпь в северной части могильника, северо-восточнее кургана № 15, рядом с ним. Диам. 8 м, выс. 0.80 м. Насыпь — светлый суглинок с прослойками глины, в западном секторе значительная примесь гумуса. Комплекс I. В 0.20 м к С от центра насыпи на глубине 0.30 м от вершины встречено погребение старухи, ориентированное головой к СЗ. Кости ног плохой сохранности, череп раздавлен, нижняя челюсть отвалилась, руки вытянуты вдоль туловища. Позвонки, ребра и часть костей левой руки не сохранились. У левого плеча лежали сердоликовая цилиндрическая буса и обломок неопределенной оловянной (?) поделки. У левого колена в 0.30 м к СВ от него — железный нож и в ногах в 1 м на Ю от них — сосуд красной глины с широким чуть намеченным венчиком и округлыми плечиками.

У правого бедра находился обломок глиняного прясла с выступающим ребром.

Курган № 19. Полушаровидная насыпь рядом с предыдущей. Диам. 8 м, выс. 1.50 м. Насыпь — суглинок с прослойками красной глины. Курган оказался пустым.

Тимеревский могильник

Курган № 1. Полушаровидная насыпь в юго-западной части могильника. Вершина несколько уплощена. В основании кургана видны следы заплывшего рва. Диам. 0.12 м, выс. 0.80 м. Насыпь — светлый суглинок с прослойками красной глины, ниже желтый материковый песок. Комплекс I. В 1.50 м к СЗ от центра на глуб. 0.30 м от поверхности насыпи встречено скопление кальцинированных костей диам. до 0.50 м и толщ. 0.23 м. Среди них найдены продольно расположенные бляшки от пояса, из них 1 удлиненная, 4 фигурные (табл. V, 8, стр. 78) и 1 круглая, частично сохранилась кожа от пояса. Рядом лежал железный висячий замочек, расплавшийся на части. Ниже обнаружены: фрагментированная костяная поделка в виде короткой трубки, точильная плитка удлиненной формы, квадратная в сечении, с отверстием, и в самом низу на 0 крупная подковообразная бронзовая застежка с ромбическими головками, лежавшая на кружке бересты (табл. V, 11, стр. 78). Незначительная часть вещей носит следы действия огня. Ниже под сожжением находилась крупная известняковая плита прямоугольной формы, расколотая по диаметру. Комплекс II. В 2.30 м к СВ от центра насыпи на глуб. 0.60 м от вершины встречено скопление кальцинированных костей диам. 0.45 м и черепки от сосуда с отогнутым венчиком. При зачистке слоя погребенной почвы встречены отщепы кремня, черепки и зуб лошади.

Курган № 2. Насыпь неправильно округлой формы рядом с курганом № 1, немного восточнее. Диам. 7 м, выс. 1 м. Насыпь — суглинок со значительными прослойками красной глины. В юго-западном секторе на подошве кургана встречено несколько разбросанных кальцинированных косточек, черепок и отщепы кремня.

Курган № 3. Округлая частично расплывшаяся насыпь в западной части могильника. Диам. 5.5 м, выс. 0.40 м. Насыпь — светлый песок с незначительными прослойками глины. Комплекс I. В юго-западном секторе в 0.20 м от центра на 0 разбросанные обгорелые плахи и фрагменты раздавленного сосуда. Между ними скопление кальцинированных костей, диам. 0.70 м и толщиной 0.20 м. В 0.55 м к З от центра насыпи на той же глубине встречен костяной орнаментированный наконечник пояса (?) (табл. VII, 70, стр. 81). К ЮЗ от него — часть обгорелой плахи и фрагмент сосуда с округлыми плечиками и чуть отогнутым венчиком, из глины хорошего обжига с примесью толченых ракушек, сильно деформированного от действия огня.

Курган № 4. Полушаровидная насыпь со следами заплывшей ямы в вершине в юго-западном углу могильника, южнее кургана № 1. Диам. 9 м, выс. 0.70 м. Насыпь — суглинок с прослойками глины, ниже светлый материковый песок. Комплекс I. В 0.80 м к З от центра насыпи на глуб. 0.20 м от поверхности встречено скопление кальцинированных костей до 0.30 м в диаметре, которое прослеживалось до глуб. 0.55 м. Среди костей найден обломок венчика сосуда с насечкой по краю. Комплекс II. В южной поле кургана в 0.40 м к Ю от центра насыпи на 0 находилось погребение мужчины 40—50 л. Костяк средней сохранности ориентирован головой на ЮЗ; нижняя челюсть спустилась вниз, руки протянуты вдоль туловища, часть позвонков не сохранилась. Слева у черепа находился крупный плоский камень. С правой стороны скелета, в 0.20 м от него, поставлены в ряд сосуды (рис. 8, стр. 73): у головы — часть крупного сосуда грубой глины, рядом — низкий сосуд, сделанный на гончарном круге (табл. II, 4, стр. 72), еще дальше — сосуд лепной, баночной формы, украшенный продольными оттисками гребенки по венчику (табл. II, 3, стр. 72) и у бедра — кувшин болгарского типа с ручкой (рис. 7,

стр. 71) из красной глины со следами продольного ложения. Справа у бедра находилось калачевидное кресало, рядом — железный стержень, у внутренней стороны правого бедра — серебряная монета, оказавшаяся выре-

занной серединой диргема Наср-ибн-Ахмеда (914—943 гг.), в ногах встречен обломок железного стержня. В 0.50 м к СЗ от левого бедра лежал обломок бронзового браслета, крученого из одного прута.

Приложение II

РАСКОПКИ НА МИХАЙЛОВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ В 1897 И 1898 гг.

Ниже приводится краткое описание некоторых, наиболее интересных курганов, раскопанных И. А. Тихомировым¹ в 1897 г.

Курган № 2. В северо-восточной части могильника диам. 8.50 м, выс. 0.85 м. На 0 находился зольный слой, в центре — немного углей; там же встречены жженые кости, к В от них черепки грубого горшка с примесью дресвы, обломок костяной пластинки (табл. VII, 12, стр. 81) и кость коровы. С землей были выброшены ромбический наконечник стрелы и шпора (табл. VI, 9 и 12, стр. 79).

Курган № 7. Диам. 17 м, выс. 1.78 м. На глуб. 0.67 м и в 5.26 м от западного края кургана встречены кости ноги и ребра коровы, а под ними на материке и в 9 м от восточного края насыпи находилось овальное скопление угля, жженых костей и черепков. Его размеры: 1.51 × 1.32 м, скопление вытянуто с ЮЗ на СВ. В нем встречены: половина серебряной восточной монеты, обломки глиняных лап и двух колец (табл. I, 3 и 4, стр. 67), обломки длинных четырехгранных сланцевых брусков, 2 железные пряжки, костяная орнаментированная пластинка (табл. VII, 9, стр. 81) и коготь животного. Там же оказалась скорлупа кедрового ореха.

Курган № 10. Диам. 14.10 м, выс. 1.50 м. На материке лежал зольный слой, на котором в 4.97 м от восточного края насыпи находилось скопление угля и жженых костей, диам. 3.77 м. В северной части скопления встречены меч, топор (табл. VI, 7, стр. 79), застежка норманнского типа, нож, знамя, удила, шпоры и черепки горшков, стрелы и чашки от весов. У западного края скопления — белый расколотый на двое камень, размером 0.45 × 0.27 м. В 7.24 м от восточного края насыпи и на глуб. 0.71 м от поверхности кургана находилась кучка жженых костей и угля диам. 0.36 м и толщ. 0.04 м.

Курган № 11. Диам. 18 м, выс. 1.70 м. На материке слой золы и угля. В восточной половине кургана в насыпи идет дугообразная прослойка погребенной почвы, а ниже на глуб. 0.80 м от поверхности другая такая же прослойка. В западной половине насыпи слои погребенной почвы не прослеживались.

Курган № 18. Диам. 12.80 м, выс. 1 м. На глуб. 0.75 м кучка золы, угля и жженых костей, у ее восточного края найдены вдвое согнутый меч (куски), скорлупообразные фибулы (табл. IV, 1, 3, стр. 76 и табл. V, 5, стр. 78), нож, а у северо-восточного края был врыт в материк глиняный сосуд (рис. 5, 1, стр. 71), наполненный на две трети жжеными костями животных; там же черепки горшка красной глины и ореховая обугленная скорлупа.

Курган № 19. Диам. 12.95 м, выс. 0.70 м. На глуб. 0.50 м в 4.25 м от западного края насыпи встречена небольшая кучка жженых костей, угля, золы и черепков. Обнаружены пятна бронзовой окиси.

Курган № 20. Близ юго-западного края могильника диам. 15 м, выс. 0.95 м, в 5.32 м от западного края насыпи на глуб. 0.66 м встречено скопление крупного угля, золы и жженых костей. С западной стороны скопления находились два глиняных сосуда, 2 сложенных вместе чашки и коромысла весов и призматическая каменная гирька. На глуб. 0.40 м от поверхности над сожжением были найдены два кованых железных стержня с расплощенными концами.

В центре насыпи на глуб. 0.50 м в 0.18 м от опи-

санного скопления встречена прослойка угля и жженых костей.

Ниже приводим данные о раскопках 1898 г.

Курган № 1. Диам. 13 м, выс. 1.50 м. На материке в центре кургана встречен слой угля, овальных очертаний, размером 2.50 × 1.50 м, вытянутый с З на В. Среди мелкого березового угля найдены черепки сосуда; в 0.35 м от них к З лежали обломки другого сосуда. К С от первого сосуда лежал железный меч концом к В и примыкавшие к нему наконечники стрел трехгранной ланцетовидной и четырехгранной формы и какие-то другие железные вещи. Сохранились также бронзовый наконечник меча, бронзовые кольцевидные застежки от пояса, большая бронзовая обойма для кольца и нож с костяной рукояткой. С южной стороны угольной прослойки находилось углубление диам. ок. 0.60 м и глуб. ок. 0.22 м, заполненное перемешанной землей, углами и осколками жженых костей.

Курган № 7. Диам. 8.90 м. На глуб. 0.40 м в центре насыпи на материке встречена прослойка соснового угля разм. 5 × 1.80 м. В угле много жженых костей, нож, шпоры (табл. VI, 13, стр. 79), квадратная бронзовая бляшка от пояса, с крестовидной прорезью, железный остроконечник и обломок белого камня.

Курган № 8. Диам. 8.50 м. На глуб. 0.60 м и в 4.25 м от западного края насыпи обнаружено скопление хвойного угля овальной формы, размером 2.10 × 1.42 м. В скоплении встречены черепки двух горшков, мелкие жженые косточки, бедро лошади или коровы, железное копье (табл. VI, 5) и ножик. На глуб. 1.06 м черепки днища третьего горшка и немного осколков жженых костей. Около скопления оказалась яма, вырытая в материковой глине. В яме найдены: бронзовая пряжка (табл. IV, 5, стр. 70), обломок костяной гребенки с бронзовым ободком (табл. VII, 11, стр. 81), бронзовая толстая булавка, ножик, гирька и серая сланцевая точилка (17.50 г), копье, нож и фрагмент стрелы.

Курган № 11. Диам. 12.34 м. На глуб. 0.70 м от вершины и в 5.77 м от юго-западного края насыпи открыт глиняный сосуд, на две трети занятый жжеными человеческими костями и вещами. На дне его темнобурая изодреватая жирная масса. Сосуд прислонен к поставленному наклонно слегка обожженному валуну. В другом конце кургана, в 3.30 м от юго-западного края насыпи, находилась грудка золы с небольшим количеством хвойного угля и кое-какими вещами (бусы). Размер скопления 2.72 × 2.13 м. Найдены два ножа, наконечник стрелы трехгранный, спиральный перстень бронзовый, бронзовая гладкая четырехугольная бляшка, обломок тонкой проволочной серги, бусы призматические многогранные и др., резной костяной полуцилиндрический ободок (табл. VII, 14) и обломки резной кости.

Курган № 15. Диам. 7.80 м. Погребение совершено на глуб. 0.50 м в ямке, вырытой в материке. Кроме остатков сожжения, найдены два ободка скорлупообразных фибул, нож и черепки двух горшков (рис. 5, 2, стр. 71).

Курган № 17. Диам. 7.34 м, выс. 0.50 м. На глуб. 0.40 м от вершины и в 0.18 м от юго-западного конца насыпи встречена груда жженых костей. К СВ от нее находились черепки двух горшков на овальной прослойке угля размером 1.80 × 1.42 м. На другом конце прослойки — черепки третьего горшка.

Курган № 18. Диам. 10.80 м. На глуб. 0.54 м от вершины найдены два раздавленных горшка, поставленных один в другой, жженые кости, бронзовая за-

¹ Архив ИИМК, дело № 52/1897 г. и дело № 187 1898 г.

стежка, оплавленные бусы желтые, темносиние, бесцветного стекла и каменные. На глуб. 0.84 м на материке лежал слой угля дном. 1.78 м.

Курган № 20. Диам. 13 м. На глуб. 0.22 м встречено небольшое количество жженых костей, в них ножик. На глуб. 0.48 м и в 3.44 м от края насыпи располагалась прослойка угля, содержащая черепки горшка, обломки глиняного кольца, фрагменты лапы (?), железную поясную пряжку (табл. V, 18, стр. 78), шарик и кочедык (?).

Курган № 27. Диам. 7.10 м. На глуб. 0.40 м в середине кургана найден горшочек с жжеными костями, прикрытый слабо обожженной глиняной крышкой. Он стоял в груде углей на угольной прослойке 0.93 м поперечником. Под горшком и кругом него найдены ножик, ключ, ножницы, слиток стеклянных бус, проволочное бронзовое височное кольцо, монета Васида 712 г. н. э. и второй горшок.

Курган № 33. Диам. 10.80 м. На глуб. 0.54 м от вершины обнаружен костяк, лежащий на спине на толстом слое золы, головой на З. На поясе оказались лировидная пряжка и нож, а у левой щиколодки бронзовое цилиндрическое кольцо. На материке под костяком лежал слой золы, угли и черепки от трех горшков. В золе найдены нож, обломок другого ножа и обломок черного аспидного бруска.

Курган № 34. Диам. 17.35 м, выс. 3.20 м. На глуб. 0.65 м под центром насыпи найдены: маленький горшок с пережженными костями и обломок бруска. Под ними открыт костяк, лежащий на спине, головой на ЮЗ. У левого плеча находилось копье (табл. VI, 3, стр. 79) острием вверх, у пояса нож. К В от костяка близ ступней ног лежал череп коня.

На глуб. 1.30 м оказалось сожжение, лежащее на слое золы и угля до 0.04 м толщ. и 3.86 м диам. Кроме жженых костей и черепков на слое угля (под плечами костяка) лежали в груде: меч, над ним в шлеме стремена (табл. VI, 11), наконечники стрел, «змия» с четырехгранный втулкой, каменная гирька с оббитым концом (23—50 г.).

Курган № 39. Диам. 10.80 м. На глуб. 0.60 м встречены 2 опрокинутых вверх дном горшка, стоящие

около кучки золы и угля. В сосудах зола и угольки, а около них копье. На глуб. 0.80 м и в 0.30 м от северо-восточного края насыпи на материке стоял горшок с пережженными костями и бусами. Здесь же найдены круглая резная (поясками) кость, обломок подковообразной застежки, обломок бронзового широкого кольца, бронзовый слиток, железная спора и обломок острия меча или стрелы.

Курган № 44. Диам. 8.75 м. На глуб. 0.80 м в центре насыпи встречены черепки горшка и череп овцы. Ниже лежал костяк, обращенный головой на З, на спине. Справа от костяка находилось копье (табл. VI, 4, стр. 79), обращенное острием вниз. Кроме того, найдены обломок глиняной лапы, обломки бронзового складного коромысла и чашек весов и наконечник стрелы (табл. VI, 8).

Курган № 46. Диам. 13.15 м. На глуб. 1.50 м встречен слой угля, лежащий на обожженной земле. На угле располагалось скопление золы и жженых костей размером 1.55 × 0.54 мм, вытянутое с З на В. В нем найдены три обломка шпор (или скобок), обломок толстой пластинки, нож, черепки от двух горшков и обломки глиняного кольца.

Курган № 50. Диам. 15 м, насыпь разрыта полностью. На глуб. 0.70 м от вершины кургана встречено обширное костище неправильно-овальных очертаний, размером 11 × 4.60 м, лежащее непосредственно на материке. Толщина угольного слоя доходила до 0.025 м; глина, лежащая над костищем, обожжена. На костище разбросаны обожженные кости, обломки медвежьей лапы и кольцо из глины. В 1.42 м к З от них встречены черепки небольшого горшка, поставленного вверх дном. В горшке кроме золы оказались 2 бронзовые пуговки, обломок костяной пластинки, ажурные бронзовые поясные бляшки и гирьки из сланца. В 0.90 м к ЮВ от горшка найдены черепки другого горшка. Ближе к юго-западному краю костища бубенчик и бляшки от пояса (табл. V, 14, стр. 78). Жженые кости были встречены в насыпи кургана несколько раз и на разных глубинах, но не выше 0.36 м над костищем и преимущественно в северной половине насыпи. Кости лежали небольшими кучками.

J. STANKEVIČ

SUR LA COMPOSITION ETHNIQUE DE LA POPULATION DE LA RÉGION VOLGIENNE DE YAROSLAVL AUX IX—Xe SIÈCLES

(Résumé)

Les monuments funéraires de la région volgienne de Yaroslavl sont bien connus dans la littérature archéologique russe et étrangère. Il existe dans la science différentes manières de voir au sujet des tumulus à incinération les plus anciens. Certains savants les rattachent aux Normands, d'autres les rapportent aux Mérias, le plus petit nombre enfin les considère comme des monuments slaves.

Le matériel fondamental dont on disposait jusqu'ici pour résoudre ces questions, consistait dans les collections provenant des fouilles exécutées au milieu du siècle passé par A. Uvarov et P. Saveliev sans la documentation scientifique requise — circonstance qui a fortement déprécié ce matériel et rendue difficile l'éclaircissement du problème. Les travaux ultérieurs, en particulier les fouilles effectuées par l'auteur dans les cimetières de Mikhaïlovskoïe et de Timérevo (région de Yaroslavl) ont fourni un matériel abondant et extrêmement intéressant, qui permet d'aborder sous un angle nouveau l'étude de la com-

position ethnique de la population volgienne de Yaroslavl à la fin du I^e millénaire de notre ère. On a pu différencier tout d'abord un groupe ancien de tumulus à incinération datant du VIIIe et du début du IXe siècle, dont le mobilier se caractérise par l'absence d'objets normands. Le type du mobilier et les particularités structurales des monuments — présence dans les plus grands tumulus d'une construction en bois (sépulture collective) au centre — font rapporter ce groupe aux monuments slaves primordiaux.

Le groupe des tumulus plus récents est caractérisé par une seule incinération ou plus rarement par deux incinérations; les objets normands et orientaux occupent une certaine place dans leurs mobilier varié, ce qui témoigne d'un large développement à cette époque des relations commerciales de la population. Ces sépultures datent de la fin du IXe et du Xe siècle.

A une époque plus récente, les habitants du pays passent à l'inhumation, qui se rapproche déjà du rite purement chrétien.